Автор-составитель
Валентина Серикова

БАТЮШКИ СВЯТЫ

ДУХОВНИКИ И СТАРЦЫ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ XIX – XXI веков

Валентина Серикова

Батюшки святы. Духовники и старцы Киево-Печерской лавры XIX – XXI веков

«Издательские решения»

Серикова В. А.

Батюшки святы. Духовники и старцы Киево-Печерской лавры XIX – XXI веков / В. А. Серикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608252-6

Необыкновенные истории жизни старцев Киево-Печерской Лавры — живая летопись обители в лицах и событиях. В книге собраны жизнеописания известных духовников и подвижников монастыря XIX–XXI веков. Они представляют собой бесценный кладезь духовной мудрости, из которого можно почерпнуть великую пользу.

ISBN 978-5-00-608252-6

© Серикова В. А.
© Издательские решения

Содержание

БАТЮШКИ СВЯТЫ 6
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Батюшки святы
Духовники и старцы Киево-Печерской лавры XIX – XXI веков

Автор-составитель Валентина Анатольевна Серикова
Редактор Галина Божко

ISBN 978-5-0060-8252-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАТЮШКИ СВЯТЫ

ДУХОВНИКИ И СТАРЦЫ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ XIX – XXI веков

Без малого тысячу лет множество духоносных старцев спасалось в Киево-Печерской Лавре и помогало спасаться народу. Необыкновенные истории их жизни – это живая летопись обители в лицах и событиях. В книге собраны жизнеописания известных духовников и подвижников монастыря XIX—XXI веков. Они представляют собой бесценный кладезь духовной мудрости, из которого можно почерпнуть великую пользу. Подобная работа предпринята впервые со времени последнего издания «Патерика Печерского». Ныне голос духоносных отцов Лавры звучит со страниц этой книги.

Соль земли

Сколько бы человек ни прошел по дороге истории, какие бы ни преодолел дали за долгие века, он всегда помнит начало своего пути. Там хранится святая тайна его предстоящего странствия и духовная пуповина, соединяющая нерушимыми узами духа и крови распростершуюся по лицу земли крону потомства с корнемистоком. Человеку дано определять стези, а место начала всегда избирает Бог по Своему смотрению. На Руси – это Киев, а в нем – изумрудная гора над Днепром, где апостол Андрей Первозванный воздвиг Крест и прорек благовестие.

Здесь спустя тысячу лет из насаженного в пещере семени – преподобного Антония, вобравшего в себя благодать Афона, возросло могучее древо русского монашества, и заботами Пресвятой Богородицы воссияла Киево-Печерская Лавра. Воистину это и о ней сказано: «И введе я в гору святыни Своея, гору сию, юже стяжа десница Его» (Пс., 77:54). С этой Киевской горы, со Святой Лавры, свет веры Христовой воссиял и освятил всю Русь от края и до края. Свершилось определенное от начала, и притча, ставшая былью, вошла в ее города и веси: «овцы, которые не сего двора» (Ин., 10:16) сделались рабами Божьими. Отсюда было положено начало великого крестного хода народа Святой Руси, который тысячу лет продолжает шествовать на Небеса.

Промыслительно именно преподобный Антоний был приведен на место будущего подвига тысяч иноков. О предначертанной миссии свидетельствует прежде всего нареченное первоначальнику имя, которое на древнегреческом соединяет два значения: «росток, цветок» (ἄνθος) и «вступающий в бой» (αντεω). Поистине сей росток дал неисчислимый обильный урожай в Божию житницу. А пламенная молитва вступившего в духовный бой Антония подняла рать Христову против власти тьмы, преобразив дикую языческую целину, населенную славянскими племенами, в единый православный народ – в Святую Русь.

От преподобных Антония, Феодосия и последующих поколений монашествующих утвердилась на нашей земле традиция духовного руководства и окормления верующих опытными наставниками и пастырями. Те из них, кто достиг высших степеней бесстрастия, и сподобившиеся даров Святаго Духа, зовутся старцами. Последним повелением Иисуса Петру было: «Паси овец Моих». При море Тивериадском Спаситель трижды обратился к нему, подчеркивая исключительную важность Своего наказа: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих» (Ин., 21:15—17). Это повеление Иисуса во всей полноте исполняли старцы. Их служение овцам стада Христова, за которых Он положил Свою жизнь, – воочию явленная любовь к Сыну Человеческому. Это полное самоотвержение, сораспятие Христу, подвиг вышеестественный. Такой, о котором апостол Павел говорил: «мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса» (2 Кор., 4:5).

Старцы Божии – это соль земли, великаны духа, маяки, указывающие земным странникам в сумерках бытия путь в Царствие Небесное. Они – ось духовной жизни христианина. Старческое служение людям зиждется на просвещении Духом, на открытой им Богом истине о том, что верующие во Христа суть части Тела Его. Для старцев это не отвлеченная аллегория, как для прочих, а достоверное знание. «Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (Еф., 4:11—12). Посему служа человекам, пася заповеданных овец, старцы достоверно знают, что служат Самому Господу, созидают Тело Его.

Милостью Божией духоносные старцы во многом победили естества чин, преодолели тварное бытие. На их примере мы видим, что старчество – это самопожертвование и самозабвение, безраздельная служба Богу через служение людям, ищущим спасения во Христе. Народ, чувствуя это душой, всегда тянулся к благодатным батюшкам со своими горестями, недоумениями и обретал чаемое. Ценой невероятного самоотвержения, полного самоотречения и смирения избранники Господни отряхнули ветхого человека со своей души. Слезы печальников земли родной не дают ей сгореть в огне бесовской злобы и сорваться с оси. Молитвами старцев наших, которые небесные вестники доставляют прямо к престолу Божию, Господь продлевает еще время на покаяние.

Для православного люда старцы Лавры были отцами родными. Приняв от Господа дар любви, – наивысший и совершеннейший, они обратили его на страждущих и обремененных. Не таились от просящих совета, любили людей, жалели, помогали, утешали, исцеляли, бесов изгоняли. Через их убогие кельи прошли тысячи, к ним ехали православные со всех концов страны, изувеченной сначала революцией и репрессиями, а потом войной. По их молитвам исцелялись сотни ищущих помощи. Очистив свои души, они и народ вели к истинному покаянию. Сами нередко несли безмерные скорби, терпели притеснения, гонения, клевету и непонимание. Вникая в истории их жизней, не перестаешь благодарить Господа за Его великие милости, явленные через дивных пастырей, душу свою положивших за овцы. За тех подвижников в ангельском чине, чьи светозарные души взмыли к Богу с Печерской горы и влились в полки Небесных сил, восполнив нарушенное некогда отступниками великое единство – Божественную полноту.

Нигде на Руси и на всей земле, кроме Афона, не прославилось столько преподобных отцов, нигде нет стольких нетленных мощей, как в Лавре. В ее храмах начинаются чертоги неземного Царства, «это не что иное, как дом Божий, это врата небесные» (Быт., 28:17). Об этом сказывал и святитель Феофан Затворник Вышенский, принявший здесь монашеский постриг: «Лавра – неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чуешь, что зашел в другой мир».

Лавра всегда была оплотом Православия. Много веков отовсюду сотни верст пешком шел народ Божий поклониться Дому Пресвятой Богородицы, помолиться своим святым соотчичам, почивающим в пещерах нетленными мощами. Отдавали в монастыри сыновей, чтоб освятился род, жертвовали кто трудами, кто копейкой, кто плодами рук своих. Но наипаче несли в душе сыновнюю любовь к Заступнице усердной, горячую веру и надежду на Ее милость. Пред вратами Лавры цари земные выходили из колесниц и клали поклоны, вельможи склоняли головы до земли. Сколько молитв было вознесено за сотни лет по дороге к Лавре, сколько псалмов пропето, сколько слез выплакано! Современнику, яростно обгоняющему сокращающееся время, трудно даже представить, какой подвиг несли паломники прежних времен, находясь долгие месяцы в пути. Какой священный трепет их охватывал, когда они издали видели золотые купола, слышали звон колоколов, как благоговело и ликовало сердце, когда преклоняли колени у Святых врат. С какой сердечной радостью принимали паломников в обители монахи, как утешали старцы.

Без малого тысячу лет множество угодников Божиих спасались в Лавре и помогали спасаться народу, передавая науку умного делания послушникам и ученикам, сохраняя традицию духовного преемства из поколения в поколение до недавнего времени. Истории их жизни – это живая летопись обители в лицах и событиях. В книге собраны материалы о видных духовных наставниках Киево-Печерской Лавры в период с XIX по XXI века, представляющие бесценный кладезь духовной мудрости древнейшего монастыря, наглядно показывающий традицию старчества и деятельного окормления народа. Разумеется, чтимых духовников и старцев в Лавре было больше, чем опубликовано в книге. Здесь рассказано о тех, о ком сохранились материалы прежних лет и о ком удалось собрать сведения в наши дни. Среди них прославленные святые и известные старцы нашего времени. Подобная работа предпринята впервые со времени последнего издания «Патерика Печерского».

Общеизвестно, какое значительное место занял в истории Церкви и духовной жизни народа «Патерик». Но последующая агиография монастыря в силу разных исторических причин содержит немало белых пятен. Предлагаемая читателю книга в какой-то мере восполняет этот пробел, представляя самые яркие личности Лавры, сосредотачиваясь на их сокровенной духовной жизни. На тех ее страницах, где Дух Святый сквозь завесу материи дает увидеть, как всесильный Бог действует в немощных созданиях, возлюбивших Его всей душой. Как смертное становится бессмертным, грешное – святым. Ныне последние великие старцы, которыми Господь осолил святую пядь земли на Печерской горе, поднялись ввысь клином небесных птиц, обнимая крыльями своей молитвы оставшихся долу. Подвиг их не меньший подвига первых подвижников, которые сами говорили, что последние из них «явятся в Царстве Небесном выше первых чудоносных отцов» (1), поскольку старцы нашего времени служили Богу в скорбную лукавую годину, когда мир уподобился «скотам несмысленным» (2) и «возлюбил глаголы потопные» (3).

В XX веке Лавра дважды пережила страшные нападения темной силы, вышедшей из преисподней в дни воцарения врагов Божиих. Монастырь два раза закрывала богоборческая власть. Первый раз в 1924 году, когда обитель сначала отдали обновленцам, а в 1930 окончательно ликвидировали и сделали на ее основе музей. Второй раз в 1961 году монахов из Лавры изгнали хрущевские приспешники. Но по воле Божией монастырь возрождался и старался возродить свои духовные традиции. За прошедшие тридцать лет Лавра полностью поднялась из руин и засияла как прежде.

Старшее поколение прихожан еще застало благодатных батюшек, подвизавшихся здесь до закрытия. Но большинство из нынешних христиан уже не встречало старцев в своей жизни. Растерянным и смущенным происходящим вокруг, им не у кого спросить совета. Не от кого услышать слова истины о сегодняшнем дне. Но голос старцев наших звучит со страниц этой книги. Имеющий уши – да слышит.

Житие преподобного иеросхимонаха Вассиана Слепого (Балашевича) (1745—1827). Печатается по изданию 1856 г.

Иеросхимонах Вассиан (в миру Василий Балашевич) родился в 1745 году в поветовом городе Черниговской губернии Погаре. С раннего детства отличаясь кротостью и глубокомыслием, он был любимцем в семье (4). Родители видели в нем утеху и радость, а близкие соседи ставили его в пример своим малолетним детям. Происходя из мещанского сословия и родившись в бедной семье, Василий не знал роскоши и довольства и очень рано приучился к воздержанию и труду. Любимым его времяпрепровождением было ежедневное хождение в церковь. Там, приблизившись к самому амвону, с неутолимой жадностью внимал Василий богослужебным возгласам священнослужителей и чутко прислушивался к каждому слову церковного пес-

нопения. И что же? Святые семена слова Божия упали на хорошую почву и, понемногу разрастаясь, дали впоследствии обильные плоды.

От природы склонный к уединению и тишине, юный отрок избегал всякой уличной забавы и детских игр. Богато одаренный умственными способностями, грамоте Василий научился так скоро, что в самое короткое время опередил даже своего учителя. Родители, видя такие успехи его в науках, решили продолжать образование своего сына, но по причине бедности не могли выполнить сего намерения… Первым чтением его были жития святых, которые Василий получал от приходского священника. С какой жадностью пытливого ума набросился молодой юноша на эти благодатные рассказы о житии угодников Божиих! Сколько назидательных примеров Христианской веры и благочестия почерпнул он из этих богодухновенных книг! Характер его получил решительное направление, отрешившее душу его от земного, и младенческое сердце Василия возгорелось сильной любовью к Богу…

Когда юноше исполнилось 19 лет, он во что бы то ни стало решился навсегда удалиться в монастырь, дабы посвятить себя служению Богу. Но родители, проведав о намерении своего сына, воспротивились его тайному желанию и стали уговаривать вступить в брак. Не желая прекословить родительской воле, Василий уступил их настойчивым просьбам и в том же году женился. Однако недолго прожил юный супруг с молодой женой. Супруга его опасно заболела и вскоре скончалась, оставив на попечении мужа двух малюток—дочерей: Татьяну и Феклу.

Удрученный внезапно обрушившимся горем, Василий не отчаивался, а со слезами на глазах благодарил Господа, премудро устрояющего судьбу людей. «Слава Богу!.. – говорил он. – Я снова свободен от уз мира… Если бы не двое сирот, то, не медля ни минуты, ушел бы в монастырь…» И хотя со смертью жены началось для него новое испытание искренней твердости желания постричься в монахи, но возложивши однажды руку и сердце свое на рало, Василий не озирался более вспять. Вскоре родители Василия скончались, а потому он, прожив некоторое время в родном городе, продал имение свое и переселился с детьми в Киев. Здесь для душевных очей его открылись новые горизонты. И сколько новых, благодатных чувств зародилось в сердце его при виде торжествующей святыни древнего Киева. Как глубоко и твердо укрепилась вера его и расширилось стремление к небесным путям… Тяжело было жить в миру трудолюбивому Василию. Различные мелочи, нужда и дрязги житейские причиняли ему многочисленные скорби, а к всевозможным печалям и воздыханиям присоединялась еще забота о воспитании малолетних детей. Но «благо есть мужу, егда возмет ярем Господень в юности своей» (Иерем., 3:27): с помощью Божией и молитвою на устах все превозмог Василий. И подобно тому, как отважный пловец, измученный борьбою с бушующими волнами глубокого моря, достигает наконец спасительного берега, так и Василий с упованием на Господа и с крестом в руках решительно победил все жизненные преграды. Старшая дочь его была выдана замуж, а младшая, Фекла, определилась в Киево-Флоровский девичий монастырь и постриглась в монашество с именем Паисия. Тогда и Василий решил приступить к выполнению данного Богу обета.

В 1793 году он определился в Киево-Выдубицкий монастырь на послушание и целых шесть лет неустанно трудился там в светском звании, наравне с прочими послушниками. Когда же эконом Киево-Софийского митрополитского дома Иларион по старости лет своих стал проситься на покой, то за отличное поведение, начитанность и обширные хозяйственные познания на его место был назначен Василий. 21 июня 1799 года состоялось пострижение его в иноческий образ с наречением ему имени Вавила. Радостям новопостриженного инока не было конца. От юности лелеянные мечты его теперь осуществились и, отрешившись от мира, Вавила мог выступить на великий подвиг христианского благочестия.

Киево-Софийский монастырь издревле содержался особенными своими угодьями и вотчинами, в коих имел крестьян до тысячи дворов. Кроме того, получал от казны хлебную и денежную ругу (5) и со всех киевских рыбных ловель десятину. Во время киевского митропо-

лита Петра Могилы братство монашествующих простиралось до ста человек. Но свирепствовавшие затем пожары изменили вид Софийского монастыря и значительно сократили число монастырской братии. Последующие митрополиты старались привести его в возможно цветущий и благоустроенный вид: обнесли монастырь каменной оградой, выстроили высокую колокольню и возвели вместо деревянных каменные корпуса. Когда же 10 апреля 1786 года по высочайше утвержденным для малороссийских епархий духовным штатам вотчины были отобраны и переданы в ведение директоров домоводства, то и монастырь сей был упразднен и обращен в архиерейский дом.

Первым протоиереем Киево-Софийского собора был известный и красноречивый проповедник Иван Леванда (6), беседы, поучения и речи которого доставили ему заслуженную славу христианского оратора. «Не хватало для всех места в храме (говорит современник), где проповедовал Леванда. Люди оставляли обычные занятия и, забывая житейские заботы, и стар и млад спешили в церковь, чтобы послушать чудного проповедника»… Но самым ревностным поклонником протоиерея Леванды был монах Вавила. Углубившись куда-нибудь в отдаленный угол церковного алтаря, с нетерпением ожидал он того момента, когда заговорит к народу славный протоиерей. Вот он появился и взошел на кафедру. /…/ С большим вдохновением разверзаются медоточивые уста чудного проповедника и шумным потоком льется его звучная речь, ложась на сердца слушателей. /…/ А Вавила стоит, не шелохнется и, углубившись вниманием, старается не проронить ни единого слова. О, какая была для него здесь глубина мудрости, какая пища для его тонкого, пытливого ума, какой богатый след в душе и сердце оставили эти проповеди на его последующую жизнь…

Протоиерей Леванда несмотря на то, что был возведен Монархами на ту высокую степень, до которой прежде никто не доходил из белого духовенства, оставался необыкновенно тих нравом, скромен и незлобив. Отец же Вавила, постоянно встречаясь с ним по своим служебным делам Софийского эконома, неоднократно пользовался его умной, красноречивой беседой и, проводя с протоиереем целые часы в уединении, полюбил его всей душой. Леванда отвечал ему взаимностью и в постоянных беседах с Вавилою сохранял почти детскую и благородную простоту своего характера. Вскоре пришел черед им расстаться.

В 1799 году на место усопшего митрополита Иерофея (Малицкого) был назначен Новороссийский митрополит Гавриил (Банулеско). По прибыли на паству, Гавриил тотчас занялся распределением той суммы, которая была положена при его предместнике новыми духовными штатами. Главное внимание его было обращено на благоустройство Киевской Духовной Академии. Для приведения ее в лучший порядок с экономической части, митрополит Гавриил стал подыскивать для сего опытного эконома и обратился за советом к протоиерею Леванде. Тот, недолго думая, сразу указал на трудолюбивого Вавилу. А потому 14 декабря 1799 года, по получении от Гавриила надлежащей инструкции, монах Вавила был определен на новоучрежденную должность академического казначея и прикомандирован к числу братии Ржищевского Преображенского монастыря.

Велики и многосложны были труды нового казначея Вавилы. До определения его на это место, таковой должности в Академии не существовало, а потому каждое дело было для него ново и первородно и приходилось вести его самостоятельно, без всякого руководства и предыдущих примеров. Киевская Академия, обращенная в пепел вспыхнувшим в 1775 году пожаром на Подоле, восстанавливалась постепенно. Из разных вкладов многих почтенных лиц скопилась значительная академическая сумма, составившая впоследствии основной академический капитал, но и ее было недостаточно. И только под мудрым управлением проректора Академии, каким явился в ту пору митрополит Гавриил (Кременецкий) и при благосклонном покровительстве Екатерины II, Академия была возрождена и украсилась многими зданиями. С учреждением же должности казначея и по назначении на нее отца Вавилы экономическое благосостояние ее упрочилось значительно. А посему смело можно сказать, что монах Вавила, будучи

первым казначеем Академии, приложил немало труда, пока своей рассудительностью, опытностью и неусыпными трудами привел экономическую часть ее в цветущее состояние.

Отец Вавила был неутомим. До глубокой полночи сидел он за освещенным свечой столом и, погружаясь в письменные занятия, сам лично исполнял все, никому не доверяя ни малейшего дела. Как часто полночный удар колокола, призывающий людей к утрене, заставал его бдящим. И при первом ударе вставал тогда отец Вавила из-за стола и, отложив дела в сторону, с благоговейным сердцем спешил в храм Божий, чтобы предаться усердной молитве. О, как отрадно отдыхала тогда утомленная душа его, утружденная мелочью и житейскими попечениями. Всем сердцем отдаваясь усердной молитве, уносился умом отец Вавила туда, ввысь, к престолу вездесущего Бога и, сливаясь всеми чувствами с Распятым, Который говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф., 11:28), вдохновлялся все более и более и не чувствовал ни бремени тяжких трудов, ни печали, ни усталости.

Плодотворные усилия отца Вавилы и усердная его деятельность привлекли благосклонное внимание митрополита Гавриила, а потому 4 марта 1800 года отец Вавила был рукоположен в иеродиакона, а 22 июля того же года – в иеромонаха. Юные питомцы Академии, из которых вышли впоследствии многие знаменитости отечества, отдавали отцу Вавиле большое почтение. Считая его духовидцем, они подходили к нему с некоторою робостью и боязнью и в мирной беседе со старцем черпали из «кладязя» его мудрых, вдохновенных речей сладкую «воду жизни». «Бегите праздности – говорил он им. – Займитесь трудом. В труде найдете надежный щит страстям. Коли пропустил ты день – воспользуйся другим: Господь подкрепит тебя милосердием и пошлет за труды должное возмездие… Итак, пока ты жив, ищи всегда чему-нибудь научиться». Сравнивая Академию с почвою земли, он говорил: «Вся Академия наша – земля. Природные дарования ваши – это почва ее. Наставники-учителя – земледельцы. Уроки же и наставления их – семена. Каждый год приносит она обильные плоды, отличающиеся различными качествами…»

Особенной любовью отца Вавилы пользовался один из студентов старшего курса Афанасий Галинский. Это был добрый, кроткий и благонравный юноша, ненавидимый своими товарищами за быстрые и отличные успехи в науках и за особенное благоволение к нему академического начальства. Отец Вавила полюбил его всей душой и при встрече обращался к нему как отец к сыну.

– Ты, Афанасий, не стесняйся… Почаще меня навещай. Помни, ведь ты наш…

– Как так – ваш?

– Да так… Когда-нибудь и ты монахом будешь.

– Помилуй Бог, отец Вавила. Я и в мыслях того не имею, чтобы монахом быть. Иноческий подвиг для меня не по силам. Я решил остаться в миру навсегда.

– Ах ты, агнец кротости! Да тебя мир ни за что к себе не примет! Он ненавидит людей, ищущих правды… Посмотри, как враждебно глядит он на тебя в лице твоих юных товарищей. А за что? За то что ты стремишься к добру и ненавидишь зло.

По окончании полного курса наук Афанасий Галинский, как один из лучших воспитанников Академии, был оставлен при ней учителем русского языка. Встречая отца Вавилу, он шутливо вспоминал ему предречение.

– А что, – говорил он, – ваше пророчество не сбылось. Я полюбил мир и не намерен оставить его…

– Хотя ты и полюбил мир, но он ненавидит тебя. Когда же мир возлюбит и отличит тебя, ты возненавидишь и бросишь его…

Ровно четырнадцать лет пробыл Афанасий в Киевской Академии, проходя разные училищные должности. Но удрученный насилием зла и неправды людской, оставил светское звание и постригся в монашество. Имя ему было наречено Авксентий. Продолжая трудиться на пользу воспитавшего его училища, он в 1817 году был переведен в Воронежскую духовную

семинарию на должность инспектора, а через год – в Киево-Печерскую Лавру проповедником слова Божия. В 1826 году Галинский был назначен наместником Лавры и произведен в сан архимандрита.

Вторым любимцем и другом отца Вавилы был знаменитый композитор Артемий Лукианович Ведель. Старец знал его, будучи еще в миру, в самую цветущую пору его музыкального таланта. Ведель только что возвратился тогда из Москвы, где жил у генерал-губернатора Еропкина. По прибытии в Киев, он тотчас занялся (по приглашению корпусного командира А. Леванидова) составлением певческого хора из солдатских детей и вольных лиц и сделал этот хор одним из лучших в Киеве. Красивый от природы и прекрасно сложенный, Ведель был тих нравом, приветлив и предпочитал уединение. Молитва никогда не сходила с уст его. Что бы он ни делал, куда бы ни шел – всегда шептал про себя Псалтирь, которую знал наизусть. Умиляясь душою, он часто заливался слезами, декламируя на распев вдохновенные песни Царя Псалмопевца. Проживал Ведель в доме генерала Леванидова и всякий раз, когда им овладевала тоска, спешил в уединенную келью отца Вавилы, доверяя ему свои сердечные думы.

«Чего ты торжествуешь? – говорил ему отец Вавила. – Не радуйся, брат. Опасен и обрывист путь твоей жизни. Хоть и усеян он чудными розами, но и розы не бывают без шипов… Хоть и усыпан он цветами и лаврами, но и под грудою этой зелени может таиться ядовитая, опасная змея. Многими скорбями подобает внити в Царствие Небесное». Добродушный Ведель в ответ на это только тяжело вздыхал. Все мысли его заключались в том, чтобы на склоне дней своих оставить все суетное и ложное и усердно послужить Богу. Вскоре генерал Леванидов был переведен из Киева. Ведель, лишившись своего покровителя, бросил все и, соскучившись без любимого занятия, сложил с себя звание поручика и поступил в Киево-Печерскую Лавру послушником. Здесь всю энергию пылкой души своей он обратил к иноческим подвигам, усердно исправляя должность чтеца и клирошанина. Лаврская братия находила в нем образец кротости, терпения и послушания и вскоре надеялась видеть его в сане служителя алтаря Господня. Но, к удивлению всех, Артемий в одну из ночей бежал из Лавры.

В нищенском платье, приняв на себя вид юродивого, бродил он по Полтавской, Черниговской и Харьковской губерниям, но через некоторое время опять возвратился в Лавру. В то время друг его отец Вавила находился уже в Киево-Китаевской пустыне и очень обрадовался возвращению Веделя. Радость его была не долгая. На Веделя пало неблаговидное подозрение в сочинении каких-то записок, относившихся к современным политическим событиям, а потому тогдашний губернатор М. Кречетников приказал по прибытии в Лавру его схватить. Ведель оправдался, но за бродяжничество был посажен в смирительный дом. Такое обстоятельство сильно потрясло его: Ведель помешался умом. Отец же Вавила, сожалевший о друге, не переставал посещать его в больнице до самой смерти. Но сколько ни пытался он говорить с ним, не получал от Веделя никакого ответа: бедный скиталец уже мало понимал своего верного друга. В 1806 году Ведель опасно заболел, а через несколько дней окончил свою горемычную жизнь. Напутствовал его Святыми Тайнами протоиерей Леванда и с приличной церемонией проводил тело его на кладбище.

Рвение к духовным подвигам, зажегшееся в сердце отца Вавилы еще в юности, разгоралось все сильнее и сильнее и вспыхнуло ярким пламенем. Не довольствуясь общими иноческими обетами, Вавила пожелал благоугождать Богу высшими подвигами благочестия, а потому в 1802 году подал прошение о пострижении его в великий ангельский образ – схиму. Владыка, опасавшийся, чтобы строгая подвижническая жизнь отца Вавилы не послужила ему помехой при исполнении им обязанностей казначея, всячески уговаривал старца повременить.

– Зачем спешишь? Ведь ты не стар еще. Подожди, успеешь…

– Нельзя служить двум господам. Нельзя поклоняться Богу и мамоне. Владыка, я стар уже и не ведаю, что случится со мною завтра. Каждый день я испытываю сердце свое и нашел, что ничто не может удовлетворить и наполнить его, кроме Бога…

– Но при твоих трудах, которые ты выполняешь ежедневно, достаточно тебе и того молитвенного правила, которое творишь в церкви. Сам знаешь: послушание – паче поста и молитвы.

– Отец мой! Если монах молится только во время церковного Богослужения, то он отнюдь не молится. Молиться надлежит всякий час. /…/

Пострижение отца Вавилы совершено было в Китаевской пустыне игуменом Киприаном и наречено ему имя Вассиан. Недолго пробыл после того отец Вассиан в Академии. От постоянных трудов, недоспанных ночей и рабочего напряжения он ослабел глазами. Чувствовалась сначала сильная боль и резь, зачастую глаза стали заволакиваться как бы туманом, и совершенно выбившись из сил и потеряв здоровье, старец в том же 1802 году попросился на покой в Киево-Печерскую Лавру. С нескрываемою скорбью отпускала древняя Академия своего труженика-казначея. Перемещенный в Китаевскую пустынь старец Вассиан был назначен к очередному богослужению в духовнической должности, а на место его академическим казначеем был определен киевский протоиерей Матвей Россовский.

С переходом отца Вассиана в Киево-Печерскую Лавру началась для него новая жизнь, преисполненная благодатных часов уединения и духовного собеседования с Богом. Передают, что когда он молился пред Престолом во время совершения Богослужения, то, преисполняясь священного восторга, обливался слезами при произнесении великих слов Божественной литургии.

– Памятуйте, – говорил старец, – Кому возносите жертву хвалы, благодарения, мира и спасения, чтобы, явившись на призыв нелицеприятного Суда Божия, предстать пред лицем Его непостыдно.

Целых пять лет трудился отец Вассиан в Китаевской пустыни, не пропуская ни единого Богослужения, совершая различные требы и удовлетворяя духовные потребности своих многочисленных духовных чад. Долго бы и еще потрудился он на широком просторе нивы Божией, но Бог судил иначе. Для старца готовилось тяжкое испытание.

Вскоре зрение отца Вассиана ослабело настолько, что он перестал различать окружающие предметы и даже людей, а 28 января 1807 года старец совершенно ослеп… Нельзя было без слез смотреть на несчастного слепца, который доселе разбирал еще крупные буквы Святого Евангелия и ходил без посторонней помощи; теперь же, как малолетнее дитя, осязал каждый свой шаг руками и угадывал лежащие по пути предметы прикосновением своего жезла. Но старец не скорбел, а с покорностью и без ропота благодарил Творца. «Господи, – говорил он, – Господи, смиривый гордыню души моей слепотою телесною, просвети мои мысленные очи сердца, да выну славлю и покланяюсь Пресвятому имени Твоему».

Когда же кто-либо являлся к нему, чтобы утешить старца своим сочувствием к тяжести носимого им креста, то отец Вассиан отвечал: «Я благодарю Бога за все. Ибо под крестом сим научился возвергать печаль свою на Господа и возвещать перед Ним скорбь в слезной, пламенной молитве… Никто не свободен от несчастья. Просмотри летопись жизни каждого человека, и ты найдешь, что ни один из них не родился на одно только счастье. Итак, не плачьте обо мне, ослепленном очами, а рыдайте о ближних вам, которые, ради духовного ослепления, отметали от себя собственное спасение. Молитесь о них. Молитесь, да обратит и просветит лице их Господь и да спасет их».

По ослеплении глаз отец Вассиан был переведен в Лавру и определен в Больничный монастырь на жительство. Но и здесь не оставлял он своего обычного правила и трудов. Едва только ударяли в колокол, неспешными шагами направлялся он в храм Божий и, приютившись где-либо в заднем углу, повергался на землю бесчисленными поклонами. Достояв до конца службы, он выжидал, когда народ разойдется и очистит ему дорогу, и уже последним выходил из церкви домой. Молитва его была пламенна и необычайна, но подвиг молитвы он соединял с великим постом и до того изнурил свое тело, что, казалось, совсем не чувствовал тяжести его. Такими подвигами он привлек к себе дары Духа Святаго, и хотя плотью был земной жилец, но духом

соединялся с небесным и вечным. «Не может град укрытися верху горы стоя. Ниже вжигают светильника и поставляют под спудом и светит всем». (Матф., 5:14—15). А потому имя отца Вассиана стало привлекать к себе толпы народа, и вскоре подвиги и христианские доблести его стали известными всей России.

Редкий из посещающих Лавру, прослышав про добродетельное и богоугодное житие старца Вассиана, не приходил к нему за советом и утешением. И благолепный старец никому не отказывал в приеме, всех принимал с любовью и ласкою, как истинный пастырь и нежный отец. И подобно тому, как утомленный долгим странствованием путник находит покой и отдохновение под сенью тенистого вертограда, так огорченный духовными врагами и несчастиями, каждый приходящий к старцу получал от него одобрение, отраду и утешение сердца.

Всякому просящему подавал он руку помощи, всякому ищущему спасения указывал путь к небу, наставляя заблудших высоким проповеданием слова Божия. Мужи умные умудрялись еще более его беседами и советами. Люди, ревнующие о жизни духовной, молились Господу, чтобы ниспослал силы подражать его подвигам. А сироты, убогие, больные и озлобленные получали от него материальную поддержку и ощущали сладость его отеческой любви. И милосердный Господь, испытующий сердца и утробы людей, видя в нем искреннего и верного раба Своего, удостоил старца дара прозорливости, тщательно скрываемого им под покровом своего смирения.

Приходит однажды в Лавру молоденький купчик из Москвы. Поселился на странноприимнице. Увидал монаха-гостинника, подошел к нему и разговорился.

– Батюшка, – сказал он, – я из купцов. Оставил отца и мать, презрел богатое наследство, желаю всем сердцем начать подвиг спасения.

– Дело хорошее, христианское, – отвечает гостинник, – только не такое легкое, как ты думаешь. Мало того, что ты отрешился от мира, надо отрешиться и от страстей. По примеру Спасителя без поста и молитвы даже святые не начинали никакого подвига. А у тебя, вижу, подорожняя сумочка всяким добром набита.

– Кто желает угодникам подражать, тому мясцо да калачики – смерть. Так нельзя. Надо подвергнуть свою душу тяжкому испытанию. Царство Небесное нудится и нуждницы восхищают его.

– Э-э, батюшка, да я не только душу свою подвигом очищаю, я и плоть свою не пощадил. – При этом купчик расстегнул свою рубашку и на голом теле его показалась толстая пудовая сетка.

Монах рассмеялся:

– Вишь ты ретивый какой! Сразу Царство Небесное приобрести захотел. Путей спасения много, но не по всем путям сразу идти. Надобно как по степеням, от силы в силу…

– Да что мне «по ступеням»! Я и всеми путями сразу могу идти. Верите ли, я в сутки по семьсот поклонов перед образами кладу. У меня на лбу от того и шишка растет.

– Вот в том-то и беда, что через меру усердствуешь. А скажи-ка мне, братец, ты с чьего благословения вериги надел?

– Да ни с чьего… Заказал кузнецу и надел.

– Ну, вот видишь… Так нельзя. Каждое дело с благословения Божия начинать надлежит. А кто по своей воле жить собирается, на том прелесть бесовская. Вот что, ступай-ка ты сейчас на братскую больницу, к схимничку Вассиану слепенькому, он тебя на путь наставит.

Купчик отправился. Вошел в келью к отцу Вассиану и бух старцу в ноги.

– Благословите…

– Бог благословит, – отвечал прозорливый старец и тут же назвал купчика по имени. – Я тебя давно к себе жду. Потом подошел к нему и похлопал купчика по веригам.

– От диавола убежать захотел? В броню и латы спасения облекся?

– Так точно, желаю душу спасти, святой отец.

– А по силам ли носишь? Легка ли тебе рубашечка твоя?

– Легка, батюшка. Как вспомню язвы Христовы, да муки, какие Спаситель, на Кресте пригвожденный, за нас грешных терпел, – никакой тягости и не чувствую.

– Так, так, значит легка… Счастливец какой. А я вот и до старости дожил, да и то иго Христово подчас не под силу.

– Благословите, батюшка!

– Это что? Вериги носить? Бог благословит. Иди с миром.

Вернулся купчик в гостиницу. Разыскал монаха. Стоит перед ним счастливый, довольный.

– Ну что, был у старца?

– Был, батюшка.

– Благословил али нет?

– Как же, благос…

Тут купчик не докончил и как сумасшедший стал по двору бегать, да благим матом кричать.

– Ты чего это? Что с тобой, братец?

– Ой, горит, горит! Огнем печет, огнем!..

– Да постой, погоди! Что случилось с тобой?!

– Ой, не могу, помогите! Воды мне, воды дайте! Да нет, кузнеца сюда, кузнеца!..

Оказалось, что после благословения отца Вассиана вериги приобрели такую сверхъестественную тяжесть и такой огнепалительный жар, что выхоленному купчику невмоготу стало проносить их и несколько минут. Он чувствовал, будто вся спина его была объята невидимым пламенем. На дворе собрался народ. Послали за кузнецом. Общими усилиями освободили купчика от вериг. Он едва дышал.

– Ну что, теперь легче? – спрашивают его.

– Слава Богу… Совсем легко…

– Ну, вот видишь, – укорял его гостинник. Я тебе говорил, что это прелесть бесовская, а ты мне веры не давал. Теперь как же будет: опять новые вериги закажешь?

– Упаси меня Бог! Всем закажу… Нет мне благословения. Не достоин я Богу служить. Не хочу и странничать. Пойду в Москву. Стану опять за прилавок. Буду скобяным товаром торговать. – И, недолго думая, ушел купчик из Лавры…

Много было дела у отца Вассиана. Не по летам старец подвиг нес. Целый день толпился у него в прихожей народ: кто за советом, кто поисповедать грехи. Но не только люди мирские прибегали к нему за советом и утешением, почти вся лаврская братия избрала его своим духовником, ибо многим из них он был восприемным отцом по монашеству. Каждый видел в нем и кроткого отца, назидавшего всех отеческим словом, но более всего примерною святостью собственной жизни. Когда кто-либо приходил к нему с жалобой на обидчика, старец утешал его лаской.

– Не мсти врагу своему. Мщение обличает малодушие. Великодушный человек считает для себя унижением отмщать. Месть христианская состоит в том, чтобы как можно более умножить свои благодеяния и любовь к обидчику. Если бы все люди следовали сему правилу – вражда исчезла бы с лица земли.

– Батюшка! – спросит некто, – как надобно молиться?

– Молись, ангел мой, так, чтобы и мысль, и сердце воспринимали содержание молитвы, то есть проникай в смысл ее со всем усердием и вниманием. А для правильного совершения молитвы не забывай трех правил: во-первых, не приступай к молитвословию без предварительного, хотя краткого, приготовления; во-вторых, не совершай его кое-как, нерадиво, а со вниманием и чувством, и в-третьих, не переходи тотчас к разным келейным занятиям, а размышляй о Боге и смерти…

Был в то время наместником Лавры иеромонах Антоний Смирницкий, из воспитанников Киевской Духовной Академии. Это был муж благочестивый, сострадательный, кроткий и человек строго иноческой жизни. Память о нем сохраняется и доныне, ибо старанием отца Антония установлен был обычай читать каждую среду перед поздней обедней торжественный акафист Успению Божией Матери. Обычай этот установлен по благословению митрополита Серапиона в благодарность за спасение Киева и Лавры от нашествия Наполеона в 1812 году и сохраняется до настоящего времени. Духовное сродство у наместника Антония с отцом Вассианом было весьма трогательное. Не проходило и одного дня, чтобы они не виделись друг с другом. Избрав отца Вассиана своим духовным отцом, наместник Антоний не предпринимал без благословения старца ничего нового, трудного или важного. В случае же какого- либо духовного недоумения или душевных волнений и тревог с младенческой верой и кротостью тотчас прибегал к нему за советом.

– Не будь чрезмерно строг к братии, – говорил ему отец Вассиан. – Растворяй строгость власти своею кротостью. Старайся заслужить любовь, но бойся быть страшилищем для людей. Если же наушники доносят тебе на кого – верь, но только немного, ибо и в этой лжи может быть доля правды. Худо всему верить, но худо и ничему не верить.

Одиннадцать лет пробыл отец Антоний наместником Лавры, сначала в сане иеромонаха, потом архимандрита. Незадолго до назначения его епископом Воронежским, Господь удостоил его чудного видения, которым открыл ему предстоящее избрание во епископа. «Отслужив утреню, – так рассказывал о сем сам отец Антоний, – пришел я в келью в Лавре и начал читать книгу. В восемь или девять часов утра отворилась ко мне дверь и взошла великолепно убранная в бриллиантах Царица, и подошла ко мне. Я принужден был встать с кресла, а она, посмотрев на меня, сказала:

– Отец Антоний! Идите за мной.

Я в ту же минуту за нею пошел в дверь, а за нами фрейлин шесть или семь, и, выйдя из кельи, они пошли к воротам, я за ними и вышел из ворот на улицу. Вдруг подъезжает в четыре лошади карета, а лакей отворяет дверцы в карету, и она села и сказала мне: «Садись и ты в карету».

И посадила меня по левую сторону, и поскакали очень шибко. Я думал, что на Подол поехали, но усмотрел, что не туда, а налево, т. е. в поле, и ехали с час или более, а куда – не знаю. Я в большом сомнении, сижу, крещусь и творю молитву. Она обернулась ко мне и сказала: «Что ты сомневаешься во мне? Я такая же женщина, как ты видишь…» Перекрестила меня и замолчала. Ехали мы и по полю, и по большой дороге. Оглянулся я в стекло и вижу с обеих сторон дороги множество народу: иные стоят, а иные на коленях, и все подняли руки кверху и кланяются нам, а я все удивляюсь, смотря на них. Чем дальше едем, тем больше народу. Взглянул я в переднее стекло и увидел великолепную церковь: вся снаружи вызолочена и превысокая, какой у нас в Киеве нет и не было. Подъезжаем мы к церкви, отворились дверцы и выходит она с поддержкой лакеев. Она оглянулась на меня и сказала: «Выходите и ступайте за мной».

Я вышел из кареты и пошел за ней по устланным персидским коврам и пришел в оную церковь. Она остановилась напротив аналоя и сказала мне: «Становитесь и вы по левую сторону». Я вижу, что на аналое крест и Евангелие. Все это удивляло меня. Она сказала священнику: «Венчайте!» Я, испугавшись, осмелился возразить: «Ваше величество! Ведь я монах». Она опять воскликнула:

«Венчать!.. Венчайте». Потом по правилу церковному, как должно, отпели: «Исаие ликуй». Она взяла меня за руку и водила вокруг аналоя. По окончании приложились к иконам, и тут начали нас поздравлять. Но я смотрю – все сторонние люди, в крестах и кавалериях и никого из них знакомого не видел. Пошли из церкви, сели в карету и поскакали скоро опять. Я сомневался: куда меня теперь повернут? Ехали сколько-то времени и приехали опять

в Лавру, прямо в наместнический дом. Подъехали к крыльцу. Она вышла из кареты и говорит мне: «Ступайте же и вы».

Тут встретило нас множество народа, но более министров и генералов, а лица их мне совсем не знакомы, только наш митрополит Серапион, который уже давно без ног и из комнаты не выходит. Взошед в залу, мы сели рядом в креслах. Тут начали поздравлять нас с законным браком, а мы откланивались. Потом пошла она в другую залу и мне приказала следовать за собою. Взошед в оную, увидели мы держимую фрейлинами большую вощанку во всю залу, которая была ветхая и совсем худая. Она, подошед к ней, сказала мне: «Видишь, что она худа, так следует тебе оную исправить заново». За сим пошла из залы. Я за ней тоже вышел. По выходе оттуда, села в карету и сказала: «Прощай…» Выехала опять за ворота, а я остался по-прежнему в Лавре. Оглянувшись назад, уже на крыльце никого больше не видел из провожатых. Тут я задумался: куда мне идти, и решил возвратиться в свою келью. Сел на том же кресле, где и книга еще раскрытая осталась, и задумался: что это со мною сделалось…»

Долго размышлял об этом отец Антоний и, чтобы разрешить свое недоумение, отправился к отцу Вассиану, как к своему духовнику. И пришед, рассказал старцу, какое с ним случилось происшествие. Отец Вассиан выслушал наместника внимательно и одобрительно покачал седою головой.

– Радуйся, отче Антоние! Это к тебе приходила Царица Небесная, – сказал прозорливый старец. – А что повенчан ты с Нею браком, то значит, что ниспошлется на тебя благословение Божие и скоро будешь архиереем, т. е. владыкою. Большая же и ветхая вощанка означает худую, неблагоустроенную епархию, которую тебе необходимо будет привести в должный порядок и исправить непременно…

Наместник Антоний смиренно поклонился старцу в ноги. Сложив в сердце все виденное самим и слышанное от духовного своего отца, он решил никому не оповещать своей тайны, пока все предсказанное не сбудется. Когда же в 1825 году умер Воронежский епископ Епифаний, то Киевский митрополит Евгений Болховитинов, уроженец Воронежской губернии, отлично зная высокие достоинства отца Антония как своего лаврского наместника, предложил его кандидатом на епископскую кафедру в Воронеж. Выбор был угоден Святому Синоду и по сердцу Государю Императору, лично знавшему Антония, а потому он 31 января 1826 года был рукоположен во епископа и хиротония совершена была в Лавре.

Предсказание отца Вассиана сбылось во всей точности. Воронежская епархия в то время была не та, что теперь. Она заключала в себе всю область войска Донского. А потому, будучи похожа на ту огромную вощанку, которая была ему показана в видении, имела множество дыр, которые требовали больших забот и уменья, чтобы починить их. Огромные здания стояли без починки и угрожали скорым падением, сумм на возобновление в соборе живописи и прочего недоставало, экономия была пустая и повсюду виднелись беспорядки и упущения. Но будучи наместником Лавры, епископ Антоний оказался и хорошим хозяином, а потому новая епархия была им обновлена и приведена в цветущее состояние. А сам владыка, будучи носителем высоких заветов своего духовного отца иеросхимонаха Вассиана, своею благочестивою жизнью, молитвенными подвигами и милосердием оставил по себе там вечную память…

Так проходили дни за днями. Старец Вассиан был по-прежнему бодр духом и крепок телом. Из кельи своей выходил редко, да и то лишь для того, чтобы подышать свежим воздухом, опираясь на плечо своего любимого келейника. Рассказывают, что хотя отец Вассиан был совершенно слеп, но как бы предугадывая издалека присутствие встречного человека, всегда первый отдавал ему почтение низким поклоном. Но как не избегал старец суетной человеческой славы, однако благочестие отца Вассиана было известно не только многим чадам Церкви Христовой, но, дошедши в Петербург до царских палат, привлекло к нему особенное внимание даже самих Венценосцев.

Первым прослышал про отца Вассиана великий князь Николай Павлович. Посетив 1 июня 1816 года Киевские лаврские пещеры, куда был сопровождаем наместником Антонием, изъяснявшим ему краткую историю почивающих святых, он был осведомлен о старце и, пожелав его видеть, удостоил отца Вассиана своей снисходительной беседой. Возвратившись в Петербург и рассказывая во дворце свои путевые впечатления, упомянул и об известном Киево-Печерском подвижнике, и своим красноречивым рассказом обратил на Вассиана внимание своего Августейшего брата. Так что в 1816 году, когда увенчанный славою умиротворителя Европы Император Александр I на пути из сгоревшей в 1812 году Москвы приехал в Киев, чтобы поклониться его святыням, то первым шагом к насыщению его духовной жажды было посещение им слепого иеросхимонаха Вассиана. Посмотрим, что передают нам о том сохранившиеся в архивах летописи.

7 сентября 1816 года в четыре часа пополудни большой лаврский колокол известил киевлян о приближении царского поезда. Государь остановился против Неводницкой пристани на другой стороне Днепра в Красном трактире, откуда некоторое время любовался прекрасным видом на Лавру и город. В начале седьмого часа, когда настали совершенные сумерки, начался перезвон во всех монастырских и городских церквях. По желанию Государя, всякая встреча со стороны военных и гражданских властей была запрещена. Лишь в Лавре по окончании вечерни митрополит Серапион (Александровский) во всем облачении с архимандритами и двадцатью парами иеромонахов ожидал во Святых вратах прибытия царского экипажа. Лаврская колокольня и весь монастырь были ярко освещены разноцветными плошками. В половине седьмого показалась открытая дорожная коляска, в которой с князем Волконским сидел Государь в шефском конноегерском мундире. Толпы собравшегося во множестве народа приветствовали державного гостя громким несмолкаемым «ура!».

Государь вышел из экипажа, выслушал приветственную речь митрополита и, приложившись ко кресту, проследовал со свитою пешком в Великую лаврскую церковь, ярко освещенную огнями. Впереди ему предшествовал митрополит и все духовенство, державшее в руках большие горящие белые свечи. Певчие пели при этом шествии обычный стих: «Днесь благодать Святага Духа нас собра». Приблизившись к церковным дверям, Государь отдал свою шпагу сопровождавшему его генерал-адьютанту Уварову и, войдя в церковь, положил троекратный земной поклон пред чудотворной иконой Божией Матери и приложился к мощам почивающих в Великой церкви угодников. /…/ Государь слушал, всю обедню стоя почти неподвижно, кроме поклонения при изображении крестного знамения. Обедня была пропета простым напевом по присланным из Синода книжкам. Пять человек Государевых певчих пели вместе с архиерейскими, справившись поутру. И сам Государь, стоя подле клироса, подпевал низко баском.

После литургии Государь входил в сопровождении митрополита в алтарь, рассматривал мозаику, был в ризнице, видел также и гробницу князя Ярослава. Отсюда он проследовал в митрополичьи покои. Вечером состоялось известное посещение Государем слепого иеросхимонаха Вассиана. Чтобы не обеспокоить смиренного старца своим внезапным приходом, Государь в три часа пополудни приказал дать знать в Лавру схимнику Вассиану, что в восемь часов вечера его намерен посетить князь Волконский. В назначенный час ожидаемый гость так тихо вошел в келью слепого старца, что даже послушник, находившийся там, не заметил входящего и узнал уже тогда, когда высокий гость, взявши его за плечо, выслал вон и, быстрыми шагами войдя в чулан Вассиана, приветствовал его:

– Здравствуйте, батюшка!

Ответ обыкновенный. Затем, будучи уверен, что перед ним князь Волконский, старец пригласил гостя садиться. (Рассказ этот написан по письму арх. Антония (Смирницкого) своему отцу. Другие же современники достоверно сообщали, что Вассиан узнал Александра I, но по своему смирению скрыл это доказательство своей прозорливости от наместника Антония, которому рассказывал подробности посещения своей кельи Государем).

– Прошу сесть, ваше сиятельство.

И хотя хозяин сажает на первейшее место гостя, предоставляя ему свои права, однако мнимый Волконский садится ниже, отдавая первенство хозяину.

– Женаты ли Вы, ваше сиятельство?

– Женат.

– Давно ли женаты?

– С лишком двадцать лет.

– Имеете детей?

– Имею.

– Давно ли служите Государю?

– Давно.

– Благодарение Господу Богу, что Государь Император удостоил и Киев, и Святую Лавру своим посещением. Ах, как он вчера, будучи в Лавре, обрадовал всех своим благочестием и кротостью.

– Да он здесь… Он у вас.

И Государь, не желая долее оставлять старца в неизвестности, нагнулся и прошептал ему на ухо:

– Я Александр. Благословите меня. Еще в Петербурге наслышался я о вас и пришел поговорить с вами. Благословите меня.

Глубоко тронутый Вассиан хотел поклониться Государю в ноги, но Александр Павлович, не допуская его к этому, поцеловал старца в руку.

– Поклонение принадлежит только Богу. Я же человек, как все прочие. И христианин. Исповедуйте меня… исповедуйте так, как всех вообще духовных сынов ваших.

Отец Вассиан накинул на себя епитрахиль и немедленно приступил к совершению исповеди. Кругом был легкий полумрак и царила благодатная тишина. Небольшая зажженная лампада, тихо мерцая перед образами, розовым светом обдавала находившиеся в келье предметы и чуть-чуть освещала спокойные лица присутствующих. На небольшом аналойчике, покрытом потертою парчою, стоял полуаршинный, купленный старцем в Иерусалиме перламутровый крест, пред которым теплились две восковые маленькие свечи и лежало святое Евангелие. О, какую умилительно-трогательную картину представляла эта исповедь!

Всесильный монарх-победитель, уничтоживший власть великого гения и полководца Франции Наполеона, и обладатель обширной Руси, с детскою верою повергаясь пред образами на колени, со смирением и кротостью кается в своих поступках и делах, в присутствии простого, убеленного сединою чернеца… Как бы отрешившись от земной славы и чувствуя свое ничтожество перед Творцом, с младенческою покорностью отдает он Ему свое сердце, завещая и нам быть покорными Богу и почитать наставников и власти. О, какой необыкновенный пример глубокой веры и благочестия показал нам этим русский Царь! Какой громадный укор нашей испорченной совести должны видеть в этом мы, современники!

Все оскудело у нас: и вера, и нравственность, и благочестие. Великий поток зла стремится подмыть даже самые исторические основания благоустройства отечественного. Вот появились лжеучителя и пророки, которые выступают в овечьих шкурах, укрываясь покровом доброжелательства и появляются перед всеми с призраком истины в речах. Одежда их сшита из прогресса, цивилизации, просвещения, свободы мысли, свободы дел и свободы личности, но в устах их тень противоречия учению Господню, и своим красноречием угождают они чувствам, а не духу. Но Господь долго терпит и ожидает нашего покаяния. «Обидяй да обидит еще, и скверный да осквернится еще: и праведный правду да творит еще: и святый да святится еще. Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откр., 22: 11—12).

Долго раздавался среди безмолвной тишины чистый и ясный голос вдохновенного слепого духовника. Как целительный бальзам проливалось каждое слово его на самую глубину сердца кроткого, миролюбивого Монарха… Но вот исповедь кончилась. Было уже одиннадцать часов. После долгих разговоров Император сказал: «При первом вступлении моем в лаврскую церковь такое благоговение наполнило мою душу, такие чувствования проникли в нее, что могу поистине с Павлом сказать: «бых аще в теле, или аще кроме тела, не вем, Бог весть».

Затем, стараясь узнать о прочих подвижниках Лавры, Государь спросил:

– Кто в Лавре более других заслуживает внимания?

– После митрополита у нас наместник первейший, Ваше Величество.

– А как его имя?

– Антоний, Ваше Величество.

– Ну, так прикажите, батюшка, келейнику позвать его сюда. Пусть скажет, что князь Волконский ожидает его у вас.

Наместник Антоний Смирницкий не замедлил явиться по приглашению. Узнав Государя, он хотел отдать ему достодолжное почтение, но Александр Павлович не допустил того.

– Благословите как священник, – сказал он, – и обходитесь со мною, как с простым поклонником, пришедшим в сию обитель искать путей ко спасению. Ибо все дела мои и вся слава принадлежит не нам, а имени Божию, научившему меня познавать истинное величие…

Ровно в двенадцать часов ночи Государь изволил выйти от Вассиана. За ним последовал наместник.

– Для чего вы столь великолепно огнями осветили лаврскую колокольню? – спросил на дворе Император.

– Государь! – отвечал Антоний – По случаю всерадостнейшего посещения Лавры Вашим Императорским Величеством. Если бы мы этого не сделали, то нас осудили бы все, да оскорбились бы и помещики Лавры.

– А кто ваши помещики?

– Преподобные и богоносные отцы Антоний и Феодосий.

После этих слов Государь, указывая рукою на величественную колокольню, спросил:

– Долго ли она будет в таком блеске?

– Пока не истощится материя света, – отвечал наместник.

– А там что?

– А там угаснет… Такова и земная слава людей.

– Да, – подтвердил Государь. – Вон там у вас истинные цари. (При этом он указал по направлению к пещерам). Они восемьсот лет торжествуют над тлением.

Подошедши к Великой церкви, Государь распрощался с наместником и, запретив ему сопровождать его особу до святых ворот, сказал:

– Прощайте… Завтра утром надеюсь быть у вас в пещерах.

И усевшись в дожидавшую его коляску, уехал. 9 сентября в семь часов утра Государь действительно снова прибыл в Лавру. С ним были князь Волконский и лейб-медик баронет Виллие. Сопутствуемый от Святых врат наместником и казначеем Александр Павлович проследовал в пещеры, где с благоговением прикладывался к мощам, расспрашивая о житии каждого святого. Отец наместник в кратких, но верных чертах рассказывал ему жизнь чудотворцев Печерских, а Государь слушал и удивлялся «како Господь удиви вся хотения в них». Кончив поклонение мощам угодников Божиих, Государь вышел наружу и при выходе пожаловал на обе пещеры по тысяче червонцев.

10 сентября в воскресение за Золотыми воротами состоялся в Высочайшем присутствии смотр трем полкам. Отсюда Государь проследовал в Лавру. У Святых врат его ожидал эконом с десятью старцами, а у церковных дверей митрополит с крестом. «По вшествии в церковь Государь изволил приложиться к образу Успения Божией Матери и слушал литургию, совер-

шаемую митрополитом, поемую братией и продолжавшуюся два часа. После литургии Государю поднесена была митрополитом просфора, и подходили все служащие к руке.

После того Государь выразил желание отслушать обедню в пещерах, и чтобы наместник служил ее.

– В какой же церкви угодно будет Вашему Императорскому Величеству слушать литургию?

– Какую сами изберете.

– Не угодно ли в церкви преподобного Антония?

– Хорошо. Антоний будет служить у Антония, – заметил Государь.

Вернувшись из дворянского собрания, Государь велел немедленно позвать к себе лаврского наместника Антония Смирницкого и своими руками возложил на него в кабинете богатый наперсный крест, украшенный бриллиантами. Другой такой же крест он поручил передать иеросхимонаху Вассиану.

– Возложите ему от моего имени, в память нашего знакомства и в знак глубочайшей моей признательности к нему, яко духовному отцу моему.

12 числа, в день своего отъезда, Государь слушал литургию в Ближних пещерах в церкви преподобного Антония. Служил наместник с протодиаконом и придворными певчими. В сей небольшой церкви, находящейся близ гроба преподобного Антония, были только Государь, князь Волконский и митрополит Серапион. Государь стоял благоговейно и все время подпевал певчим.

По окончании обедни митрополит представил Государю старца Вассиана. Он был облечен в схимническое одеяние и, низко кланяясь, благодарил Государя за пожалованный ему бриллиантовый наперсный крест.

– Святостью жизни и добрыми делами, – отвечал Государь схимнику Вассиану, – вы заслужили большую награду у Царя Небесного. Я, земной царь, награждаю вас чем могу за те приятные и душеспасительные часы, которые я провел в уединении, находясь в вашей келье…

Растроганный старец не в силах был вымолвить ни единого слова. По впалым старческим щекам его катились крупные слезы…

Затем Государь посетил келью начальника пещер игумена Филарета, где, завтракая, рассказывал лаврским старцам о праздновании святой Пасхи в Париже. Когда наместник по окончании молитв в церкви явился в келье с просфорою, Государь прервал разговор и сказал:

Благодарю вас, отец наместник, за молитвы… А каково пели певчие?

– Скоропоспешно, Ваше Величество.

– Ну что ж? Люди дорожные.

– Дело Божие должно делать в надлежащем порядке, Государь.

– А я, отец наместник, рассказываю о том, как я праздновал Пасху в Париже после войны. Во время сего всерадостного торжества я преклонил колена посреди главной площади сего города, и вместе со мною восемьдесят тысяч моих воинов также преклонили колена. Тогда французы, видя нашу веру, любовь и благоговейную молитву к Воскресшему Христу, последовали нашему примеру и сами пали на колена…

Выходя из начальнических келий, Государь хвалил местоположение Киева, говоря, что таких красивых и приятных видов он не лицезрел нигде и что в будущем мае он снова посетит Киев и пробудет в нем более месяца. Из Ближних пещер Государь направился в Великую церковь и приложился к чудотворной иконе Божией Матери. Митрополит поднес на прощанье икону прпп. Антония и Феодосия Печерских и пять больших просфор, сказав при этом краткую благодарственную речь.

Долго еще трудился после того отец Вассиан в Лавре. Как часто, вспоминая отрадное посещение его Александром Павловичем, умилялся старец душою и со слезами на глазах рассказывал слушателям подробности его. Здоровье его было по-прежнему хорошо. Хотя ему

исполнилось семьдесят лет, но строгою, воздержанною жизнью, он сохранил свои физические силы от преждевременного расстройства и истощения. Изредка, особенно в Великий пост, когда подвиги его усугублялись, старец как бы изнемогал под крестом, но, окрыляемый надеждою небесного венца, снова обновлялся и становился крепок и бодр. Трудно изобразить пред читателем труды и духовные подвиги старца. Внутренняя жизнь его, подобно жизни всех ревнителей благочестия, была запечатлена глубокою сокровенностью. Ее поймут лишь те, иже Христовы суть, и которые сами постоянно ведут многотрудную внутреннюю борьбу с незримыми врагами нашего спасения.

Наступил 1827 год. Старец видимо стал изнемогать. Подвергаясь частым недугам, он затворился в келье и никого не принимал к себе. Изредка его посещали родные дочери или близкие духовные чада, присутствие которых было ему весьма приятно. Ставни его кельи были закрыты, и в комнате постоянно царила темнота. Когда же кто-либо из ученых духовных сынов приходил проведать его, отец Вассиан приказывал отворить ставни и просил что-либо почитать ему.

– Почитай мне слово Божие, друг мой… Чтение слова Божия исцеляет душевные раны и прогоняет беса уныния.

Любимым чтением для больного были творения Иоанна Златоуста и Димитрия Ростовского. Лежа на своей жесткой постели и перебирая четки, внимательно слушал он эти богомудрые словеса, только изредка нарушая царившую тишину своими глубокими вздохами:

– Господи, – шептали уста его, – поминаю час смертный и каюсь, да не без надежды спасения от мира сего изыду. Поминаю Суд Страшный и каюсь, да не со грехами моими тамо явлюся. Поминаю сладость вечныя жизни и муки смерти вечныя и молюся Тебе, Господи. Умилосердися, Боже мой, слезами покаяния моего… Умилосердися, Боже мой, и отверзи ми райския двери Царствия Твоего…

С большим нетерпением собирался старец в загробный путь. Вскоре телесные недуги у отца Вассиана участились. Встречая каждую болезнь, он радовался ей и говорил: «Вот она, предвестница кончины моей», – и переносил ее с изумительным терпением и благодушием.

– Батюшка, – спросил кто-то, – вам не страшна смерть?

– Друг мой, – отвечал он, – она страшна тому, у кого отнимает все, что у него было, и провожает на тот свет ни с чем. Кто же успел запастись нетленным богатством, того надежда утешает в час исхода. – И с глубоким вздохом добавил, – жизнь течет, как быстрый поток, и не возвращается. Между тем почти все заняты суетой и химерами и не помышляют запасаться другим добром, которое послужило бы поддержкою для души всея загробной жизни. О, бедные, бедные люди!..

Незадолго до смерти 28 февраля старец пригласил к себе больничного начальника иеромонаха Филимона и, как бы предвещая скорую свою кончину, сказал ему:

– Смерть полагает конец всем утешениям земным. Как ничего не внесли мы с собою в мир сей, когда родились на свет, так ничего и вынести отсюда не можем (1Тим., 6:7). Беден и наг я и несть у меня ничего. Все ближним, да кровным дочерям своим раздал. Ничего мне и не нужно было, ибо старался проводить свою жизнь в суровой простоте и отречении от суетных благ мира. Но вот вам крест… Его пожаловал мне Царь по своей ангельской кротости и доброте. Возьмите его и передайте в ризницу Лавры. Пускай хранится он там. Еще вручаю вам сбереженных мною шестьдесят рублей. Когда умру – употребите их на постановление братии трапезы. Я люблю моих духовных сынов и братьев паче себя самого и, угождая всем при жизни, желаю угодить и по смерти…

Вскоре после этого старец совсем перестал вставать с постели. Силы его истощились настолько, что он не мог без посторонней помощи передвигаться с боку на бок. От пищи отказался и питался одним только чаем. Ночью с 24 на 25 апреля отцу Вассиану сделалось совсем худо: старец едва дышал и рано утром испустил дух. Тело старца облачили в схимонашеские

одежды и положили во гроб. Первую панихиду совершил наместник архимандрит Авксентий Галинский с несколькими иеромонахами, и множество народа теснилось около гроба.

Казалось, вся Лавра и киевляне перебывали в этот день у гроба его, прощаясь с умершим и молясь об упокоении его души. Красным звоном проводила Лавра своего любимого труженика и сына, а тысячная толпа народа со слезами на глазах сопровождала гроб его через Святые ворота на Дальние пещеры, где и погребен отец Вассиан на святой земле, возле церкви Рождества Богородицы. Скончался он восьмидесяти двух лет. Молись за нас у Престола Господня, великий старец Божий…

Сказание о жизни и подвигах отца Киево-Печерской Лавры преподобного иеросхимонаха Парфения (Краснопевцева) (1792—1855). Печатается по изданию 1856 г.

Поучительно читать повествование о дивных подвигах равноангельной жизни древних подвижников, угождавших некогда Богу в пустынях Египта и Палестины, на Святой горе Афонской и на нашем родном Афоне – святых горах Киевских (7). Волею или неволею душа при этом согревается, отрешается от земного пристрастия и воспламеняется, хотя временно, тем желанием Божественного, которым у пустынников горела она непрестанно. Но самая отдаленность наша от времен, когда они жили, ослабляет в неусердных искателях царствия Божия силу сего благодатного впечатления. Леность и холодность людей нынешнего века находят себе лукавое успокоение в той мысли, что это было когда то в давние времена, а теперь, в наше время, и скольконибудь подобные подвиги и подобная высота жизни духовной – невозможны… Тем поучительнее поэтому для нас пример высокой подвижнической жизни мужей, близких к нам по времени и наипаче современных; тем драгоценнее для нас каждая, самая частная черта из жизни таковых мужей.

Глубоко чтимый и незабвенный для всех знавших его, отец Парфений родился в Тульской губернии, Алексинского уезда в селе Симонове, в сорока верстах от города Тулы, 24 августа 1792 года, от отца причетника храма того села по имени Иоанн Краснопевцев и матери Анны, и при рождении наименован был Петром.

Сын бедного причетника, он от колыбели испытал скорби, неразлучные с убожеством. Покрывая тернием жизненный путь, бедность для людей обыкновенных бывает нередко если не матерью пороков, то как бы гнетом, подавляющим всякое стремление к высокому: но для душ избранных – это огонь чистительный, поедающий в самом зародыше наклонности и страсти испорченной природы человеческой, лелеемые довольством и роскошью. Избранный от младых лет быть чистым сосудом молитвы и служения Богу, юный Петр в труженической жизни своих родителей почерпал уроки терпения, трудолюбия и совершенного презрения к так называемым земным благам, и это презрение ко всему вещественному, ко всему, что составляет удобства жизни, было впоследствии отличительною чертою его характера. Он до могилы искал одного удобства: молиться и молиться непрестанно.

По достижении отроческого возраста, Петр, обученный грамоте в родительском доме, поступил в Тульское Духовное Училище. Имея от природы быстрые способности, он успевал в науках очень легко, и по окончании училищного курса был переведен в семинарию в класс словесности. Но еще в раннем возрасте открылось в нем призвание свыше к иной, лучшей цели, чем школьное образование. Сердце его, долженствовавшее быть храмом Святаго Духа, от младенчества горело особенною любовью к Богу-Утешителю, и еще в отроческих летах сподобился он благодатного видимого наития Его.

«Однажды, – сказывал он, – возвращаясь вместе с братом из училища на вакациальное время в дом родительский, мы остановились где-то на ночь и легли уснуть под открытым небом. Ночь была ясная, я долго не мог уснуть; не знаю, отчего сердце у меня как-то радова-

лось неизреченно. Я смотрел вверх, и вдруг вижу белоснежного голубя, парящего надо мною. Я удивился, откуда он; в доме его не было. Гляжу и не нагляжусь – так он хорош; и не летает, а все на одном месте то поднимается, то опускается надо мной. Я разбудил спящего подле меня брата:

– Посмотри, говорю, видишь ты голубя?

– Какого? Где?

– Да вот надо мной.

– Ничего не вижу; ты, знать, во сне, брат, бредишь!

Он заснул опять, а я до самого света не сводил глаз с него и радовался несказанною радостью. С рассветом он не улетел, а стал вдруг невидим. И с этой поры в сердце мое запала какая-то сладость и желание чего-то нездешнего, и я уже ни на что земное не прельщался, мне все было противно; ко всему я охладел, и тяжело было мне между людьми».

О сем видении упоминает он и в одном из молитвенных песнопений своих: «Неописанный Параклите, от Отца исходяй и в Сыне пребывай! Установи во мне храм своему величеству. Памятствую явление в моем возрасте еще младом Твоего наития тиха и тонка на мя ленива и нерадива, голубя в виде».

После сего видения, давшего его характеру решительное направление и отрешившего душу его от земли, благодатный отрок удалялся от людей, часто уходил в прилежащий к деревне лес и там воспитывал в себе любовь к безмолвию, богомыслию и молитве. «Однажды, – говорил он, – я, утомившись, лег под деревом и задремал. Очнувшись, вижу стоящего передо мной благообразного старца – монаха, который сказал мне: „Странен монах и земен мертвец“, – и удалился в чащу дерев. Я побежал за ним, но не мог отыскать его, образ же монаха и слова его остались навсегда в душе моей. С той поры родилась у меня мысль о монашестве. Впоследствии, размышляя о значении сих таинственных слов, я истолковал их себе так, что монах должен быть странным, то есть чуждым пришельцем везде, и мертвецом на земле».

Старший брат его Василий (8) вступил в монастырь, когда Петр был еще в семинарии, и на нем, казалось, лежала обязанность быть опорой своего семейства. Но Промысл Божий готовит ему иное назначение. За чрезвычайную кротость и тихость нрава, а вместе и за высокую рассудительность, какую являл он еще в незрелом возрасте, он любим был всеми в околотке и особенным уважением пользовался в домашнем кругу. Во всяком сколько-нибудь затруднительном обстоятельстве родители его говорили: «Спросим, что скажет Петруша». И его слово, отличавшееся чрезвычайною простотою, но вместе и силою рассуждения, было для них как бы законом.

Следующий, переданный им самим, случай показывает, что действительно было это безыскусное слово истины, исходившее еще из юных уст его. Брат его, будучи послушником в Жабинской пустыни, приехал однажды погостить в дом родительский. Родители, видя образ мыслей и жизни младшего сына и начиная терять надежду склонить его к семейной жизни, стали уговаривать Василия, живого и веселого юношу, оставить монастырь, жениться и быть опорою их старости. Недолго колебался он и был готов уступить их желанию, и вот однажды вечером, повторяя о сем речь, родители указали ему на выгодное и праздное место, назвали и невесту. «Ну, матушка, так и быть, дело кончено, – говорил Василий. – Утешу тебя, не возвращусь уже в монастырь, а поеду ко владыке подавать прошение. Да что-то скажет на это Петруша?» «А я, – говорил старец, – лежа на печи, отвечал ему: «Обещался ты, брат, служить Богу, а теперь хочешь служить сатане. Так мне с тобою нет части, я тебя и знать не хочу!» – «Ну коли так говорит Петруша, – сказали родители, – то об этом и думать нечего. Нет тут Божия благословения!» И Василий возвратился в монастырь, где впоследствии был иеромонахом и игуменом и назывался Венедиктом.

Со дня на день более и более возгоралось в юном Петре желание Божественного, и, побуждаемый им, он стремился посетить Киев и поклониться святым угодникам там нетленно почивающим. И вот, в вакациальное, свободное от учения, время он испросил себе у начальства билет, а у родителей благословение и отправился в Киев пешком на богомолье. Это было летом в 1814 году. Когда прибыл он в Киево-Печерскую Лавру, ему, по особенному о нем промыслу Божию, указали на келью тогдашнего начальника типографии, соборного старца иеромонаха Антония, отличавшегося строгою подвижническою жизнью и бывшего впоследствии наместником Лавры, а потом архиепископом Воронежским. Он принял Петра с любовью и радушною простотою, о которых старец всегда воспоминал с глубокой признательностью. С участием расспросил его об обстоятельствах и намерениях его и дал приют у себя на все время пребывания его в Киеве. «Неизъяснима была, – сказывал старец, – та радость, какую ощутил я при входе во врата Святой Лавры и при взгляде на великую, небеси подобную церковь лаврскую. Тогда же дан был мною обет здесь остаться и быть хотя самым последним послушником и служителем на дворе лаврском».

В это время еще живы были в Лавре великие старцы, известные строгостью жизни и прозорливостью: Вассиан Слепой и Михаил схимник. Первого из них посещал в бытность свою в Киеве Государь Император Александр Павлович, и, хотя входил к нему в полночь, без предварительного извещения и не желая открывать ему своего высокого сана, но узнан был им. Благословенный Монарх был тронут беседою мудрого старца, исповедовался у него и впоследствии пожаловал ему драгоценный крест, хранившийся в лаврской ризнице. Прибывши в Лавру и слышав прежде о старце Михаиле (9), Петр пожелал принять его благословение. «Прихожу к дверям его кельи, сказывал он, стучусь в них, и Михаил, вышедши, прямо назвал меня по имени, спросив: «Что ты, Петре, пришел? – и благословил желание мое остаться в Лавре на послушании».

Но проживши около года в Лавре (с августа 1814 г. по 22 марта 1815 г.), Петр не был уволен из семинарии и своей епархии и по требованию начальства должен был возвратиться в Тулу и опять взяться за учение. Чувствуя одначе неодолимое стремление в Киев и к иноческой жизни, он в том же году уволился из семинарии. Таким образом, он не окончил полного курса образования, почему и называл сам себя всегда невеждою и неученым. «Я ведь не богослов», – говаривал он, уклоняясь от каких-либо ученых вопросов, целью которых было не назидание и спасение души, а простая пытливость ума. Между тем он глубоко понимал самые высокие таинства богословия, почерпнув ведение оных не в книжном и школьном научении, а в непрестанном молитвенном созерцании Бога Слова…

По увольнении из семинарии Петр думал, что не будет уже ему никакого препятствия к исполнению своего намерения: но вышло не так. Родители хотели пристроить его скорее к месту поближе к себе и заставили его определиться причетником в родном своем селе на открывшееся место. Здесь была готова ему и невеста – сирота, дочь священника. По мягкости и кротости своего характера, он не противоречил воле родителей. Сделана была помолвка и назначен день брака. Но, не дождавшись его, он ушел в другой раз в Киев. Впрочем и в этот раз, после двухмесячного странствования, должен был опять возвратиться на родину, не быв опять уволен из епархиального ведомства. Возвратившись домой, Петр нашел свою невесту уже замужем. Между тем родители нашли ему другую – в соседней Калужской епархии, дочь одного священника. Этот священник вскоре умер, и родные желали, чтобы он занял его место. Петр и в этот раз не прекословил родителям и отправился в Калугу к тамошнему преосвященному Антонию с прошением предоставить ему место умершего священника, со взятием в замужество сироты – его дочери. Но архипастырь отказал, и Петру, по возвращении домой, осталось жениться на сироте и быть простым причетником на прежнем месте. Опять все было слажено. Но прежде чем исполнилось это, случилось ему посетить Тулу, где был уже новый архипастырь Авраамий. Тут пришло ему на мысль вновь попроситься в Киев. Архипастырь

охотно согласился. «Молись там и за меня», – сказал он Петру и приказал немедленно дать ему билет. На другой день получил он билет с совершенным увольнением из епархии.

Возвратившись домой, Петр объявил об этом родителям. С сожалением и слезами они выслушали его, но не стали наконец противоречить и благословили сына в путь, видя в нем давно уже избранника Божия и ходатая своего у престола благодати. «Молись за нас, Петруша, – сказали они. – Мы видим, что тебе жить между нами нельзя». С особенным умилением воспоминал всегда старец любовь родительскую. «У батюшки, – говорил он, – были одни только сапоги, которые надевал он по праздникам. Но провожая меня, он отдал их мне, сказав: „Ты свои износишь за дорогу, а купить других тебе не на что“. Я взял, чтобы не огорчить его, но с дороги переслал их ему с верным человеком, а сам пошел в лаптях. Наделил меня еще родитель мой гривной денег да благословил медным небольшим крестом». Впрочем, на дороге случилось ему встретиться с одним добрым купцом, ехавшим в Киев. Он пригласил Петра быть сопутником, и при совершенном недостатке собственных средств, доставлена была ему возможность не только дойти, но и доехать до Киева.

В июне 1819 года прибыл он в Киево-Печерскую Лавру и нашел знакомого ему начальника типографии Антония уже наместником Лавры. Он принял Петра с прежней любовью, исходатайствовал у митрополита Серапиона благословение на определение его в Лавру и поместил его в просфорне, где и началась его подвижническая жизнь. «Я вовсе не раздумывал, – говорил он, – о подвигах монашеских, о том, чтобы установить себе такое или другое правило, избрать такой или другой образ жизни. Я думал только о том, как бы молиться да молиться непрестанно и трудиться сколько сил есть, слушать во всем как Бога начальника, никого не оскорблять и не осудить. Да мне и некогда было смотреть за поступками других, я только себя знал».

Так, руководимый Духом Святым, он в новоначалии легко исполнял те добродетели, которые обыкновенно бывают только плодом долговременных подвигов. Он утруждал плоть свою, подвергал себя всякого рода лишениям не для умерщвления плотских страстей – он их не знал, хранимый благодатию Божией с раннего детства, – а потому, что презирал покой телесный, полагая, что всякая внешняя забота, всякое попечение о себе отвлекали бы его от молитвы, которой хотел он посвящать каждую минуту, остававшуюся у него свободною от многотрудного послушания просфорнического, с горячим усердием им проходимого. «Бывало, утрудившись, – говорил он, – я лягу под лавкой или под столом – мне все было равно».

Строгая жизнь его и ревность к послушанию не укрылись от следившего за ним с особенным вниманием наместника Лавры Антония, и в том же году он сделан начальником просфорни, где и провел двенадцать лет в трудах и непрестанной молитве. Тут, когда однажды подвергался он духу уныния и душа его нуждалась в утешении и подкреплении в трудах проходимого им послушания, в одну ночь молитвенного бдения сподобился он видения преподобного Никодима просфорника, сидящего у просфорной печи с Псалтирью в руках. «Я думал, – говорил он, – что это кто-либо из старцев лаврских, и удивился, зачем он в мантии и как я не заметил его прихода. Но когда подошел к нему ближе, он стал невидим. А когда я уснул на заре, вижу его во сне, и он говорит мне: «Я Никодим просфорник и всегда посещаю место, где я трудился и улучил милость Божию и спасение». С той поры он питал к сему угоднику особенную любовь и благоговение и подражал ему в ежедневном совершении всей Псалтири, которую вскоре и выучил на память, так что впоследствии всегда читал ее наизусть.

Сам о себе говорил, что он не был постником во всю жизнь и не держал никогда поста не только что по неделям, но даже и по целым дням. Однако же в действительности был воздержан и умерен в высшей степени. Нрав имел удивительно кроткий, ласковый и приветливый ко всем. Кроме подвигов трудолюбия, бдения и молитвы, ничем не возмущаемой кротости и совершенного незлобия, старец особенно поражал всех своим удивительным нестяжанием. Он не имел другой одежды, кроме той, которую носил, да и последнюю готов был с радостью

отдать нуждающемуся. Однажды, в холодное зимнее время, какой-то странник украл у него подаренный ему одним боголюбцем тулуп. Он нимало не оскорбился сим, хотя и не имел другого. Через несколько дней послушники поймали вора в его тулупе и с укоризнами приводят его в просфорню. Видя смущение бедняка, он говорит им: «Не троньте его. Он бедный и в тулупе трясется. Нам ведь хорошо здесь в тепле сидеть, а он без покрова день и ночь на морозе». Потом, обращаясь к вору, говорит: «Не скорби, брате, возьми себе этот тулуп. Вот тебе и денег на пропитание, только вперед не бери чужого». Подобными примерами нестяжания ознаменован был каждый его шаг.

По собственным его словам, он не изведал борьбы с плотью даже в самых юных летах. Господу угодно было, чтобы сердце его, имущее быть жилищем Святаго Духа и храмом молитвы, не запятналось никогда не только страстями нечистыми, но ниже каким-либо особенным пристрастием земным. Даже от мысленных греховных приражений охраняла его благодать Божия. «В начале моего просфорного послушания, – сказывал он, – случилось мне однажды наслушаться невольно праздных бесед между ребятами, и в сумерки, когда прилег я отдохнуть, взбрело на мысль мне слышанное. А я еще был неискусен, не отогнал этой мысли, остановился на ней, и наконец думаю: да как это люди грешат, что же за приятность в грехе плотском? Далее и далее эта мысль начинает занимать меня, никак уж и не отвяжусь от неё.

Вдруг стучат в дверь и зовут меня на послушание. Я пошел немедля: принялся по обычаю за дело от всей души с молитвою, и помыслы, меня занимавшие, исчезли совершенно, так что я и забыл о них. Протрудившись до полуночи, совершил я обычное правило и уснул. Рано утром меня зовут к наместнику. Когда я пришел к нему, он повел меня в кабинет и говорит: «Скажи мне, Петр, как бы отцу духовному, не согрешил ли ты в чем-либо особенно?» Я смутился. Думаю, перебираю в мыслях прошедшее, и ничего не нахожу. «Нет, – говорю, – не знаю ничего, кажется, в чем бы укорила меня совесть». «Подумай, испытай себя хорошенько», – просит наместник. Опять думаю, нет, ничего не припомню. Тогда он говорит мне: «Ну что-нибудь да есть. Я видел ныне во сне, будто стою в Великой церкви против местной иконы Пресвятой Богородицы. Близ Нее по сторонам св. апостол Петр и преподобный Антоний. Ты входишь в церковь, подходишь к иконе, кладешь поклон. Пресвятая Владычица, как бы живая, отвращает от тебя лицо. Ты заходишь с другой стороны, Она опять отвращается от тебя. Ты остановился пред Нею в смущении. Тогда преподобный Антоний покрывает тебя своею мантией и говорит вместе со св. апостолом Петром: „Пресвятая Владычице, прости его, он погрешил в неведении, мы Тебе за него поручаемся“. – „Если вы за него поручаетесь, – говорит Пресвятая Дева, – Я прощаю его вас ради“. С сими словами Она обратила к тебе лице, и я пробудился. Подумай же еще, если ты не согрешил делом, то не помыслил ли чего безместного?»

Тогда я вдруг как бы озарился светом, вспомнил смущавшие меня помыслы и исповедал их наместнику. Этот случай, – прибавлял он к своему рассказу, – указал мне, до какой степени должно хранить себя даже от приближения к нечистым помыслам и как тщательно должны мы блюсти чистоту не только телесную, но и умственную, – если Пресвятая Владычица отвращается от нас и за помышления о чуждых грехопадениях! Вот что значит «от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего» (Пс., 18:12—13).

В 1824 году сентября 20 дня облечен он в иноческий образ наместником Лавры архимандритом Антонием в Больничной церкви и наречен Пафнутием. В непродолжительном времени рукоположен в иеродиакона Преосвященным митрополитом Евгением. С принятием иночества увеличил он подвиги молитвы и самоотвержения. При входе в его келью взор поражался пустотою и лишением. Одни голые стены, на небольшом столике распятие и икона Пресвятой Богородицы, деревянная скамья без всякого покрова, служившая ему и одром для успокоения, деревянная чашка и фонарь – вот все, что в течении многих лет удовлетворяло всем его потребностям. Ночи проводил он в молитве и чтении и трудился в переписывании отеческих книг. Так собственноручно переписаны им Скитский Патерик и книга Исаака Сирина.

По мере подвигов своих, возрастал и преуспевал он и в совершенстве духовном и удостаивался по временам необычайных благодатных осенений. /…/ Перед рукоположением своим во священство он имел следующее сновидение: «Вижу я, – сказывал он, – что вхожу в алтарь Великой церкви, аки бы уготовляясь ко служению. У престола стоит неведомый мне архиерей в полном облачении, одесную Жена благолепная в царской одежде, а на престоле Евангелие в неизреченном сиянии. Святитель говорит мне: «Пафнутий, возьми Евангелие и священнодействуй». А я, пораженный светом, окружающим престол и Евангелие, говорю: не дерзаю, владыко святый, приблизиться к престолу святому, не только прикоснуться к Евангелию…

Тогда предстоящая Царица говорит мне неизреченно сладким гласом: «Возьми, Пафнутий, я поручаюсь за тебя». Если Ты, Владычица, поручаешься (я узнал в Царице Пресвятую Деву), то я на все готов, буди воля Твоя! С сими словами я приближаюсь к престолу, святитель кладет мне на руки Евангелие, и я пробуждаюсь. В эту минуту меня зовут к экклесиарху, и он говорит мне, что высокопреосвященный Евгений приказал мне быть готовым к служению с ним в Великой церкви и рукоположению, чего я никак не ожидал, не был предварен заблаговременно». Рукоположение его совершилось 26 декабря 1830 года.

Вскоре к благому и легкому для него игу священства высокопреосвященный Евгений присоединил тяжелую обязанность духовника Лавры, поручив ему назидать братию словом и жизнью. (Несколько времени он был еще содержателем лаврского магазина, но как это послушание было вовсе не по его духу и требовало немало развлечения, то он вскоре был уволен от него). В то время ему не было еще сорока пяти лет, и в возложении на него сей важной обязанности строгим и разборчивым архипастырем видится рука Божия.

Преуспевая во всех добродетелях иноческих, особенно хранением сердца и непрестанною молитвою, он возвысил в себе чистоту и бесстрастие до такой степени, что для близко знавших его казался бесплотным, и ничто чуждое ему не приражалось к нему.

От того, когда исполнял обязанности духовника, он невольно изведывал всю глубину испорченного сердца человеческого, «в нем же гади, имже несть числа» (Пс., 103:25). Это познание падшей природы нашей не возмущало чистого потока мыслей его, охраняемых благодатию, а только сокрушало его часто до изнеможения. Во дни поста, после исповеди многочисленных поклонников, притекавших к нему, можно было видеть его в скорби и сокрушении духа невыразимых.

Его младенческая душа, пораженная мрачною картиною многоразличных страстей человеческих, болела и не скоро находила успокоение. Он сокрушался при мысли о том, какое оскорбление величия и благости Божией причиняется беззакониями человеческими. «О бедные, бедные человеки! – говаривал он. – Если бы они ведали, как оскорбляется грехом милосердие и величие Божие! Если бы они ведали, какие блага меняют они на кал греховный! Лучше бы пожелали не родиться, а изгнить в утробе матери!» С живым участием и истинно отеческою любовию выслушивал он кающихся и воистину мог сказать с Иовом: «Аз о всяком немощном восплакахся» (Иов., 30:25).

Никакого грехопадения не приписывал он злобе человеческой и обдуманному намерению согрешить, а исконному врагу спасения нашего. «Он „яко лев рыкая, ищет кого поглотити“ (1Пет., 5:8), – говорил он. – А бедные человеки не ведают того, не видят его козней, предаются его власти, потому что удаляются от Бога, не слушая Его святых заповедей и учению Церкви не внимая. Вот где начало греха и за что судимы все! Грех сам по себе мерзок так, что человеки его любить и с намерением творить не могут. Но удалившись от Бога небрежением, человек попадает в когти диавола, а диавол уже играет им как мячиком – и не рад бы творить, да творит. Потому-то всякому хотящему спастись надо всем сердцем взыскать Господа, а взыскать Его можно только прилежным и докучным к Нему молением. Ты только молись, проси от всей души Господа, чтобы Он не оставил тебя, а Он вразумит, наставит и от греха сохранит тебя. А сам по себе ничего не сделаешь: без Бога ни до порога».

В 1838 году возжелал он облещись в схиму и подал о семь прошение в Духовный Собор Лавры следующего содержания. Как не было дотоле примера, чтобы кто-либо в Лавре в такие, еще непреклонные, лета принимал на себя великий подвиг схимонашества, и притом в последнее перед сим время вовсе оскудели в Лавре старцы, подвизавшиеся в схиме, и не было уже ни одного схимника, то он сомневался в соизволении на сие начальства, а потому смущался духом. Однажды, занятый сею мыслию в саду, прилежащем к его келье, он задремал и видит, будто идет святитель в полном облачении и, приблизясь к нему, говорит: «Пафнутий, не сомневайся, желание твое исполнится». – «Кто же ты, архиерей Божий?» – спрашивает он в недоумении. «Я Парфений, епископ Лампсакийский». При сем он пробуждается и сомнение уступает место упованию. Так с самого начала и во всю жизнь всякая сколько-нибудь значительная перемена в его положении совершалась всегда по особенному ясному указанию Промысла Божия, каковое предварительно получал он свыше.

Вскоре высокопреосвященный Филарет, прибывши на Киевскую паству, рассмотрел его прошение, и по беседе с ним уразумев духом благодать, сущую в нем, сам облек его в схиму 1 июня 1838 года в пещерах преподобного Антония и наименовал Парфением, на сорок шестом году от рождения. С того времени и доселе никогда не оскудевают в Святой Лавре старцы, подвизающиеся в схиме, и всегда бывает оных до семи и более.

С восприятием сего великого образа, он с горячим усердием и как бы вновь возложил руку на рало, не озираясь вспять. Приобретение истинного молитвенного духа составляло главнейший его подвиг, и он стяжал сей благодатный дух в высшей степени. Молитва, по словам его, обратилась для него в такую потребность, как пища или питие, или же сделалась у него, по его выражению, как бы болячкою, вросшею в сердце. Она сама собою при внешних даже развлечениях и даже во сне в нем действовала. Он сам видел однажды в полусонном видении свое сердце, объятое пламенем.

Он питал особенную, чрезвычайную, самую умилительную и можно сказать нежную, детскую любовь и преданность к Пресвятой Матери Божией и не находил довольно слов, чтобы выразить и Ее любовь к людям и свою к Ней. Любимым праздником его был праздник Благовещения Пресвятой Богородицы: «Буди благословен и преблагословен день Благовещения Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы!» – писал он однажды в этот день к одной любимой им особе. Не раз сподоблялся он блаженного видения Преблагословенной Девы. Так однажды, размышляя с некоторым сомнением о читанном им где-то, что Пресвятая Дева была первою инокинею на земле, он задремал и видит от Святых врат Лавры идущую в сопровождении многочисленного сонма иноков величественную монахиню в мантии, с жезлом в руках. Приблизившись к нему, Она сказала: «Парфений, Я монахиня!» Он пробудился и с той поры с сердечным убеждением именовал Пресвятую Богородицу Пещеролаврской Игуменией. Под внешним образом монашества старец, конечно, разумел монашество внутреннее, девственную, молитвенную, смиренную жизнь Пренепорочной Девы, которой Она поистине была первообразом на земле.

Однажды после всенощного молитвенного бдения, забывшись тонким сном, он видит келью свою наполненной множеством зверообразных чудовищ, устремляющихся на него с яростью. В ужасе он возопил: «Пресвятая Владычице моя Богородице!» При сем воззвании дивный свет осиял келью, и Преблагословенная Дева в сопровождении Архангела Михаила предстала в неизреченной славе; страшилища исчезли, как дым, а он, пробудившись, в радостном трепете видел уже недремлющим оком сияние на месте, где стояла Пречистая. По принятии схимы, несколько лет провел он в тесной келейке, очень похожей на пещеру, единственное окно которой заградил иконою Пресвятой Богородицы, озаренной тусклым сиянием неугасаемой лампады. «На что мне свет чувственный, – говорил старец. – Она, Пречистая, свет очей и души моей». Эта икона была во всю дальнейшую жизнь его постоянной свидетельницей его молитвенных воздыханий до самой кончины. Молясь однажды пред ней, да поведает ему Вла-

дычица, что есть принятое им на себя схимничество, он услышал от нее глас: «Схимничество есть – посвятить себя на молитву за весь мир».

Он имел такую любовь и приверженность ко святой КиевоПечерской Лавре и к преподобным отцам Печерским, что боялся и на короткое время отлучиться от сей обители, а к своему архипастырю, которого был духовником, имел он совершенную покорность. Не только воля его, но и каждое слово его, каждое о чем-либо мнение было законом для благоговевшего пред ним старца. Его тревожила несколько времени мысль, что он далек от пути истинных подвижников, потому что не испытал гонений от человеков в продолжение всей своей жизни в Лавре. Но высокопреосвященный успокоил его сим словом: «На что тебе гонение? Ты сам себя гонишь. Кто ныне пожелает жить твоею жизнию?» После сего душа старца умиротворилась.

Чуждый малейшего пристрастия к стяжанию, всякую вещь, кроме самой необходимой, он считал сором, который спешил выкинуть за порог, если не находил кому отдать ее поскорее. Случалось, что он связывал без разбора в один узел дорогие чашки, подсвечники, хрусталь, белье, принесенные ему усердствующими и принятые, чтобы не огорчить приносителя, и выносил этот узел из кельи, клал на дороге и радовался как младенец, когда он был скоро взят. И дорогие вещи не имели для него никакой цены.

Денег он никогда не имел. Если, по неотступному убеждению преданных ему, и принимал от них их усердные приношения, то немедленно раздавал их нищим или кому-либо из нуждающихся. Никогда убогий не отходил от него с пустыми руками, он всегда находил что-нибудь дать ему, хотя и имел только самое необходимое. Однажды прислал ему кто-то кусок хорошей материи. Не имев, что подать пришедшим к нему по обычаю нищим, он разрезал материю на несколько частей и раздал. А будучи человеком обыкновенным он мог бы обогатиться, при чрезвычайной преданности к нему многих богатых особ, и в особенности блаженной графини Анны Алексеевны Орловой, этой незабвенной любительницы и благодетельницы монашества. Она питала к нему беспредельную преданность и по слову его готова была на все возможные пожертвования.

Однажды, во время пребывания своего в Киеве, она, растроганная его глубоконазидательной духовной беседой, преклонив пред ним колени, говорила ему: «Отец мой, скажи мне, чем могу я тебя утешить? Я не пожалею для тебя и миллиона». «Вот нашла чем утешить! – отвечал он. – На что мне этот навоз? Единое мне утешение: не мешай мне никто пребывать с Богом и со всеутехою моею Пресвятою Богородицею!» Завещанные ему по духовной графини пятнадцать тысяч рублей серебром он отдал немедля в Духовный Собор Лавры для пропитания странных в гостинице.

Со времени принятия схимы, в продолжение семнадцати лет, он ежедневно совершал Божественную литургию в домовой церкви при покоях высокопреосвященного. Это священнодействие было величайшим и единственным наслаждением его чистой души. И скольких благодатных видений сподобился он – ведает един Господь, утешениями, недоведомыми миру, утаивавший раба своего за презрение благ земных, которые вменял от юности уметы быти Его ради! Так однажды, во время песни Херувимской, когда молился он пред престолом, по обычаю, с воздетыми руками, видел он аки бы небо отверсто, Господа Иисуса Христа, нисходящего на святый престол, Бога Отца, благословляющего Его снисхождение, и Бога Духа Святого, парящего над ним. Видение это было мгновенно. «1843 года ноября 13 дня, пишет он в своих келейных записках, видел Златоуста со Архистратигом, пришедших ко мне на помощь, и икону содеях на память». Однажды, в благоговейном чувстве пламенной любви Божией, он повторял в себе молитву:

«Иисусе, живи во мне и мне даждь в Тебе жити», – и услышал тихий и сладкий глас: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин., 6:56). Часто в каком-либо смущении духа он был укрепляем благодатными сновидениями.

Так, обуреваемый некогда духом уныния, которого разжжённые стрелы знакомы всем подвижникам благочестия, – он видит себя в небольшой ладье плывущего по быстрой реке. Ангел хранитель стоял за его плечами, а св. Иоанн Предтеча правил ладьей. Сильно бушевал ветер и заливал волнами ладью… Вот она близка к погружению… В испуге он хватается за край. Ангел Хранитель, удерживая руку его, говорит: «Не бойся, довезем!» Он пробудился, и дух уныния отступил от него.

Он любил размышлять о великом таинстве воплощения Господня. Однажды, накануне нового года, после всенощного бдения, повторяя церковную песнь «Сходяй Спас к роду человеческому прият пеленами повитие», он углубился в благоговейное созерцание духом младенчества Богочеловека, умиляясь при мысли, каков долженствовал быть этот Младенец, осьмидневный по Матери и безначальный по Отцу, «краснейший добротою паче сынов человеческих» (Пс., 44:2). В сем священном богомыслии внезапно погрузился он в тонкий сон и вот видит двух ангелов, летящих от востока с Младенцем на руках. Ниспустившись долу, они приблизились и положили его подле изумленного старца. «Язык человеческий, говорил он, не может изобразить красоты этого дивного Младенца. Он смотрел на меня с любовью, от которой разгоралось сердце мое. Не знаю, долго ли длилось это радостное видение. Ангелы взяли Его, и на мое моление помедлить еще – отвечали „Матерь будет скучать“, – и улетели, а я, пробудившись, был вне себя от радости и весь день не мог ни чем заняться, ни помыслить о чем, кроме этого чудного Младенца».

Весну и лето проводил он обыкновенно в Голосеевой пустыни, отправляясь туда вместе с архипастырем и с ним же потом возвращаясь на праздники в Лавру. Там, в самом уединенном углу пустыни, среди глубокой чащи сада, была его келья. Любя безмолвие и скучая посетителями, которые, особенно летом, когда стекается в Лавру множество богомольцев, жаждали его наставлений и желали его иметь духовным отцом своим, он не раз порывался совсем затвориться и не принимать никого на исповедь. Но слезы тех, для которых назидание его было необходимо на пути спасения, удерживали его от исполнения сего намерения, и конечно, по воле Того, который чрез апостола своего заповедал нам «искать не своих сих, но яже суть к созиданию ближняго» (1Кор., 10:24). И действительно, решившись однажды не принимать более посетителей и отказаться даже от исповеди прежних детей своих, он несколько времени никому не отворял дверей своей кельи, и можно было видеть его только в церкви на Богослужении. Но вот видит он во сне, будто напал на него какой-то страшный зверь и был готов уже растерзать его.

Вдруг сбегаются к нему духовные его дети с палками в руках и прогоняют зверя. Этот сон убедил его, что Господу угодно, дабы он еще послужил ближним своим и в содействии их спасению искал и обретал спасение собственной души. Каждый день был отчасти похищаем у него посетителями: он восполнял утраченное ночью, так что иногда и часа не оставалось на успокоение его немощной плоти. Силы его постепенно ослабевали; тихо, как лампада, догорал он и с удивительным спокойствием и радостью видел приближение давно желанного им дня своего разрешения.

Давно уготованный им для себя гроб был неразлучным его келейным сотоварищем. Сидя подле него, как сладко говорил он о суетности жизни, о неизбежности смерти, о том, как душа, излетев из тела, просияет как солнце и будет смотреть с удивлением на оставленную ею смрадную темницу, которую так любила и лелеяла в жизни! Часто он изумлял некоторою прозорливостью и чрезвычайной меткостью своих замечаний, которые как раз приходились к внутреннему состоянию приходивших к нему для беседы и наставления. Эта меткость особенно видна была при исповеди.

Последние годы жизни провел он в уединенных кельях, расположенных при Ближних пещерах, и ежедневно совершал литургию в пещерном храме преподобного Антония. Велика была любовь и вера его к преподобным Печерским. Не имея уже сил часто поклоняться нетлен-

ным мощам их, в пещерах почивающим, уклоняясь при том и неизбежных встреч с многочисленными поклонниками, он мысленно обходил пещеры утром и вечером с поклонением и особенной молитвой, им для сего составленной. В ней сперва призывает он по именам всех преподобных отцов, как в Ближних, так и в Дальних пещерах почивающих, потом заключает ее сими словами: «И вси просиявшие житием добродельным в горах Киевских, на пажити Богоматерней, поминайте мя пред Господом, аз усердно к вам притекаю, скорым моим помощникам и молитвенникам». На книжице, в которой написана сия молитва, подписано: «Се есть злато мое – имена отцов наших чудотворцев Печерских, Богородицею мне дарованное».

Ночь и большую часть дня проводил он в небольшой темной келье, украшенной распятием и иконою Богоматери. Здесь, как неугасаемая лампада, как денно-нощно теплющаяся свеча, стоял он на молитве, которая не прерывалась и в кратком сне, или лучше сказать дремоте, упокоевающей его труженическую плоть. Редко, разве в крайнем преогорчении неправдою или злобою людскою, резкое слово обличения исходило из уст его, и тогда он не взирал ни на какую личность, не щадил ни сана, ни звания; с великим и сильным земли говорил как с послушником монастырским, как с рабом, оскорбляющим величие Божие. Но при малейшем признаке раскаяния или сокрушения он весь изменялся, принимал обычный себе тон удивительной простоты, благости и кротости, весь был любовь, готовая положить душу за ближнего.

Когда ослабевшие силы его не дозволяли ему уже выходить вне келий своих, высокопреосвященный митрополит благословил устроить при оных церковь в зале, где дотоле совершалось у него вечернее и утреннее Богослужение. Служение его имело какую-то особенную благодатную силу. Нельзя было без глубокого умиления присутствовать при совершаемой им литургии.

За год до кончины не мог он уже совершать литургию, но всегда присутствовал в алтаре при ее совершении и ежедневно причащался Святых Тайн. Изнемогая с каждым днем, – с каким благодушным терпением переносил он тяжкий недуг свой! Удушающий кашель не давал ему покоя, иссохшие кости его болели: но он попрежнему восклонял их на узкую и жесткую лавку, презирая тление внешнего человека, да более и более обновляется внутренний. Он воздавал большее благодарение Богу за болезнь свою, чем люди обыкновенные воздают за вожделенное всем здоровье.

С приближением весны 1855 года старец видимо стал таять как снег, дыхание его более и более стеснялось и кашель усиливался. На третьей неделе поста 25 февраля по желанию его совершено над ним елеосвящение, и он ясно предчувствовал уже и говорил, что со дня на день, и даже с часу на час должен ожидать своего отшествия. Но вот и приблизился этот давно желанный им день его отшествия – радостный праздник Благовещения в Великий Пяток Страстной Седмицы! Ежедневно, в продолжении двадцати лет, совершал он поклонение страстям Христовым, ежедневно триста крат приносил он Пресвятой Деве архангельское приветствие: и вот распятый Искупитель, которому сраспинался он в продолжение целой жизни, Преблагословенная Дева – его любовь, его радость, его упование, воззвали вкупе верного раба своего из юдоли плача в радость нескончаемую!

В Великий Четверток в келейной церкви его совершалась ранняя литургия, в продолжении которой он стоял в мантии в темненькой своей келье. Тяжкая скорбь угнетала души бывших при сем некоторых ближайших духовных детей его. Им чувствовалось, что эта последняя великая Вечеря Господня с учениками была последняя и для него. Он не входил в алтарь, а Божественные Тайны принесены были к нему. После поздней литургии собрались к нему по предварительному приглашению его самого все духовные дети его – архимандриты и некоторые из иеромонахов Лавры, коих всем был он восприемным отцом по монашеству. Несколько минут беседовал он со всеми, потом отпустил, простившись с каждым, каждому

сказал несколько слов в последнее назидание и каждого благословил – кого иконою, кого Евангелием или другою священною вещью, прося молитв о себе по своем отшествии.

«Отец мой, – сказала одна из дочерей его, – обещайте мне молить за меня там Господа, чтобы он не отлучил меня от вас в будущей жизни». «Если обрящу дерзновение, буду молить! А ты паче всего будь всегда проста и незлобива, больше всех сокровищ ищи стяжать молитву, когда стяжешь ее, она как болячка врастет в сердце, и тогда уже не измешь ее». – «Мы надеемся, отец мой, сказать вам еще: Христос воскресе!» – «О нет! Пасху уже я там буду торжествовать! Там Пасха нескончаемая! Уповаю, уповаю на заступницу мою Пресвятую Богородицу! Она меня проведет чрез мытарства, покроет от злобы врагов. Ну, прощайте!»

В пять часов утра 25 марта пономарь, убирая церковь и приготовляя что нужно к служению литургии, слышал, что старец вышел из темненькой кельи своей. Убравши, он отворил дверь церкви в келью и взошел, чтобы принять благословение у старца, и видит его сидящим на стуле близ маленького столика, у дверей церковных, с поникшею главою, как бы в глубокой думе. «Благословите, батюшка», – говорит он. Нет ответа. Он повторяет то же, и снова молчание. Он приближается и видит, что душа его уже отлетела ко Господу.

В Великую Субботу из келейной церкви, которая не могла вмещать усердствующих служить панихиды по усопшем, тело его было перенесено в Крестовоздвиженскую, что над пещерами, церковь самим высокопреосвященным митрополитом с архимандритами, несшими на своих раменах гроб его, и братией Лавры. На другой день Светлого Христова Воскресения совершено им же, при многочисленном стечении народа, отпевание усопшего. На сем отпевании, по чину Церкви, не слышно было обычных погребальных песен, а слышались только радостные и торжественные песни Воскресения Христова. Так он, приобщившись смерти Христовой и жизнью, и кончиною своею, еще здесь приобщился и Воскресению Его. Во все время, до самого погребения, стечение народа в церкви, где стоял гроб его, было чрезвычайное.

По совершении отпевания гроб несен был в Голосееву пустынь его духовными сыновьями, и не взирая на сильный дождь, продолжавшийся почти во все время шествия, многочисленная толпа народа сопровождала его (10). Здесь, в этой пустыни, в которой любил уединяться старец в продолжении семнадцати лет, ожидала его в храме Живоносного Источника уединенная могильная келья, уготованная ему любовью архипастыря (11).

Житие преподобного иеромонаха Алексия (Шепелева) (1840 – 1917). Печатается по изданию 1918 г.

Православное монашество терпит в наши дни со всех сторон нападения. Нападают на монашество не только люди неверующие и инаковерующие, но даже свои же братья – православные христиане. Обвиняют монашество, главным образом, в том, что оно якобы отжило свой век, что современное монашество не имеет в себе духа христианского, наоборот, заражено духом антихристианским. Но все нападки на монашество рушатся при одном воспоминании о благодатных подвижниках современного иночества. Одним из таких подвижников является многим известный старец – духовник Киево Печерской Лавры иеромонах Алексий (Шепелев) (12).

Кто видел светлое, ласковое лицо отца Алексия, кто слушал его вдохновенные беседы, тот не скажет, что монашество отжило свой век, что современные его представители не имеют в себе христианского духа. Кто же не был лично знаком с отцом Алексием и поэтому не мог на себе испытывать духовного влияния этого замечательного инока, того мы постараемся познакомить с ним в предлагаемом очерке.

Преподобный Алексий, в миру Владимир Шепелев, происходил из дворянской семьи киевлян. Отец его, Иоанн Иоаннович Шепелев, в чине капитана служил в Киевском арсенале. По условиям того времени дети дворян обязаны были получать образование в военных школах

и после этого проходить службу в офицерском звании. Но Господь Своего избранника чудесным образом отклонил от светской офицерской жизни и направил в монастырь.

Мать отца Алексия, Мария Кузьминична Шепелева, будучи благочестивой женщиной, присутствовала 7 августа 1832 года при открытии мощей святителя Воронежского Митрофана. Архипастырем Воронежской Церкви был тогда архиепископ Антоний (Смирницкий), хорошо знавший по Киеву Марию Кузьминичну Шепелеву. (Архиепископ Антоний был наместником Киево-Печерской Лавры с 1825 г.). Когда Мария Кузьминична представлялась владыке Антонию, то он во время разговора с нею, между прочим, сказал ей: «У тебя родится сын калека, но не скорби об этом: он будет Божиим слугою». Мария Кузьминична недоумевала. Предсказание, однако, святителя Божия сбылось. Через семь с лишним лет после разговора Марии Кузьминичны с архиепископом Антонием 14 апреля 1840 года в первый день Святой Пасхи у Иоанна Иоанновича и Марии Кузьминичны родился мальчик, которого при крещении назвали Владимиром – в честь благоверного князя Владимира Киевского. Новорожденный Владимир действительно оказался калекой: он был совершенно немой.

Немота Владимира наводила печаль на семью Шепелевых, и родные его тяготились недостатком ребенка. Одна мать чувствовала в немоте сына особое действие Промысла Божия. (Отец Владимира умер, когда ему было всего три года). Она подолгу молилась и старалась воспитать в своем дитяти христианские чувства. Особенно она старалась научить своего сына милосердию. Мария Кузьминична водила своего Володю даже по тюрьмам и здесь раздавала милостыню заключенным.

Посещала она с ним и Китаевскую пустынь Киево-Печерской Лавры, где в то время подвизался Христа ради юродивый старец иеросхимонах Феофил. Отец Феофил любил приходивших к нему за благословением и молитвами сына и мать Шепелевых. Однажды, увидевши их на дворе пустыни и указывая глазами на маленького Владимира, он скороговоркой произнес: «Ага… монашонок идет, монашонок…» Другой раз отец Феофил призвал мальчика к себе в келью и, давая груду пряников, говорил: «Держи руки… ешь пряники!» Дитя с удовольствием принялось кушать лакомство, а старец только подбадривал его: «Ешь, ешь, – говорил он, – вырастешь – не пряники, а Христа принимать будешь». После таких встреч с отцом Феофилом Мария Кузьминична стала понимать, что Господь сына ее ведет к священству в монашеском чине.

Между тем, подходило время учения. Владимир должен был поступить в одну из школ военного ведомства. Весной 1852 года, когда Владимиру сравнялось 12 лет, его матери прислана была из Петербурга бумага, которой ей вменялось в обязанность привезти своего сына для воспитания в Петербургский Пажеский корпус. Вместе с бумагою были присланы и деньги на проезд. Мария Кузьминична не знала, что делать.

В это время митрополитом Киевским был высокопреосвященнейший Филарет (Амфитеатров), святитель святой жизни. Он хорошо знал и немого Володю, и его мать, которая нередко заходила к почитаемому всем Киевом владыке за благословением и советами. Поспешила она и в этом случае к владыке митрополиту за советом. Высокопреосвященнейший Филарет сказал Марии Кузьминичне, чтобы она своего сына не отправляла в корпус, а написала туда, что она своего сына Владимира не может привезти для учения вследствие его немоты. В Петербурге таким ответом удовлетворились и больше Марию Кузьминичну не беспокоили. Так Промыслом Божиим отец Алексий был отстранен от светской офицерской жизни…

Но так же должны были на нем исполниться предсказания архиепископа Воронежского и иеросхимонаха Феофила о том, что он будет «Божиим слугою», что он будет «монахом», «принимающим Христа». Ведь эти слова двух прозорливцев нужно было понимать в том смысле, что Владимир будет не только монахом, но еще и священнослужителем, совершающим таинство Тела и Крови. Но он же был немой!

После освобождения отрока Владимира от необходимости ехать учиться в Петербург Мария Кузьминична стала чаще заходить к митрополиту Филарету с просьбами о молитве за своего немого сына. Владыка Митрополит советовал скорбящей матери усилить свою молитву и увеличить милостыню. «Успокойтесь, – говаривал святитель Марии Кузьминичне, – Господь милостив и всемогущ. Он поможет Вашему сыну». Между тем, подходила Пасха 1853 года. Владыка велел Марии Кузьминичне прийти к нему на первый день праздника вместе с сыном. Вот и Пасха наступила. На первый день вечерню владыка Филарет служил в своей домовой церкви, сооруженной в честь святителя Митрофана Воронежского, куда допускались только избранные лица. Сюда-то и пошла со своим сыном Владимиром Мария Кузьминична, чтобы там после вечерни поздравить святителя с великим праздником Воскресения Христова.

После окончания службы все молящиеся стали подходить ко кресту, который держал владыка. После всех подошла и Мария Кузьминична с сыном. Святитель дал поцеловать крест и обычно милостиво их обоих благословил. Затем, неожиданно обратившись к отроку Владимиру, он велел ему поцеловать свою палицу. Когда Владимир с благоговением поцеловал висящую на святителе палицу, владыка Филарет громко сказал ему: «Христос Воскресе!» Но мальчик не ответил. Владыка повторил свое приветствие, но ответа не было. Тогда святитель в третий раз сказал: «Христос Воскресе!» – И, о, чудо! Мальчик восторженно ответил: «Воистину Воскресе!»

Возблагодарivши Господа, владыка ушел в алтарь разоблачаться, а Мария Кузьминична с исцеленным сыном осталась наедине. Она не знала, что делать: ее сердце было полно благодарности и к милосердному Господу, она готова была упасть и к ногам чудотворца владыки; ей хотелось расцеловать и исцеленного дорогого сына…

После исцеления отрока от немоты вопрос о его воспитании был решен легко Марией Кузьминичной. «Если владыка Филарет исцелил моего Володю от немоты, то пусть укажет он мне, как ему дать и дальнейшее воспитание», – так она рассуждала. А владыка Филарет сказал Марии Кузьминичне, чтобы своего сына Владимира отдала на дальнейшее воспитание в Лавру. И вот 2 июля 1853 года Владимир Шепелев, имея тринадцать лет от роду, напутствуемый благословением матери, поступает в Киево-Печерскую Лавру, сначала в качестве послушника митрополита Филарета. Владыка принял очень близкое участие в судьбе своего нового юного послушника. (Тем более естественно было митрополиту Филарету заботиться об отроке Владимире, что мать последнего скончалась через четыре дня после его поступления в Лавру – 6 июля 1853 года).

Он весьма был близок к Киевской Духовной Академии и к Киевскому университету. Профессора того и другого учебного заведения часто заходили к владыке. Некоторые из них, по просьбе митрополита, занимались науками с отроком Владимиром. Следы этих занятий были заметны в преп. Алексии даже в последние годы его жизни. Батюшка отец Алексий знаком был с русской литературой, хорошо знал русскую церковную и гражданскую историю, сведущ был в медицине. Нечего уж говорить о Святом Писании, житиях святых и святоотеческой литературе, которые он читал до последних дней своей жизни. Но, заботясь об умственном образовании послушника Владимира, владыка Филарет не забывал и о нравственном его воспитании. Особенно учил его делу милосердия. Митрополит Филарет имел обыкновение перед большими праздниками лично раздавать милостыню бедным жителям Киева.

Зиму Владимир обычно жил в Лавре, а летом с владыкой митрополитом и старцем Парфением уезжал в Голосеевскую пустынь. Но вот старец Парфений отошел ко Господу. Стал и владыка Филарет готовиться к отшествию в иной мир. Болезни его тела говорили ему, что и его день смерти недалек. (Митрополит Филарет скончался в 1857 году). Нужно было поэтому владыке Филарету подумать об устройстве подросшего уже Владимира в Лавре, вне своих покоев, чтобы он мог и после его смерти жить в святой обители, сделавшейся для него вторым отеческим домом. Побуждаемый такими размышлениями, митрополит Филарет благословил

Владимира подать прошение в Духовный Собор Лавры о зачислении его в послушники Киево-Печерской обители. Резолюцией Духовного Собора от 25 февраля – 6 марта 1856 года просителю дозволено было трудиться в числе временных послушников Лавры при типографии. Благочестивейший архипастырь, прочитав молитву пред надеванием подрясника, своими руками облачил Владимира в подрясник. Послушник Владимир теперь оставил покои митрополита и поселился в братских кельях. Тогда ему шел семнадцатый год.

15 апреля 1857 года Владимир Шепелев был зачислен Духовным Собором в число действительных послушников Лавры с оставлением его на прежнем послушании – при типографии. При типографии послушание Владимира шло прекрасно. Всегда послушный, аккуратно исполнял он все обязанности, все возлагаемые на него поручения, посещал церковные службы и занимался чтением полезных книг. Но всякому подвижнику диавол старается ставить на пути спасения преграды. Пришлось и послушнику Владимиру испытать от врага человеческого спасения искушение.

Во время послушничества Владимира Шепелева появлялся часто среди лаврских богомольцев Христа ради юродивый странник Иван Григорьевич, по прозванию «Босый», по фамилии – Ковалевский. Это был человек прозорливый. И вот встречает однажды этот странник послушника Владимира на монастырском дворе и говорит ему: «Берегись, прекрасный Иосиф, женского пола, как огня берегись… не то они тебя скоро погубят». – «Да я и так никогда не смотрю на них», – стыдливо ответил молодой послушник. – «А теперь и подавно от них отвернись: скоро они по твою душеньку в Лавру приедут». Как сказал Христа ради юродивый, так и случилось.

Через месяц после указанного разговора приезжает в Лавру знакомая семье Шепелевых помещица и начинает употреблять всевозможные усилия, чтобы вытянуть молодого человека из монастыря с целью выйти за него замуж. И хотя послушник Владимир не выражал никакого желания оставить Лавру, светские его родственники, не понимавшие высоты монашеского служения, настаивали на этом. И только авторитетное вмешательство в это дело наместника Лавры, которым тогда был архимандрит Варлаам, облагоразумило родственников послушника Владимира и остудило пыл себялюбивой помещицы.

Владимир по-прежнему пребывал в Лавре, оставаясь послушником до 1872 года, когда ему дали монашество. Пред своим пострижением в монашество послушник Владимир съездил в Воронеж поклониться святителю Митрофану, во время открытия мощей которого архиепископ Антоний предсказал его рождение. Отслужил тогда в Воронеже он панихиду и над могилой архиепископа Антония.

Архимандрит Варлаам, наместник Лавры, знал любовь послушника Владимира Шепелева к его благодетелю приснопамятному митрополиту Филарету и потому, намереваясь постричь Владимира в монашество, на бумаге предназначил ему имя в монашестве – Филарет. Но вот наступил и день пострижения – Великий Четверг Страстной седмицы 1872 года, 13 апреля. Пострижение совершал сам архимандрит Варлаам в Антониевой церкви Ближних пещер. Когда в чине пострижения подошло время назвать Владимира новым именем, отец Варлаам забыл то имя, которым решил назвать Владимира в монашестве, а какой-то тайный голос подсказал ему другое имя: Алексий. Так он после минутной борьбы с собой и назвал Владимира Алексием в честь Алексия, человека Божия, празднуемого 17 марта.

После пострижения отца Алексия в монашество его скоро, 12 сентября того же года, из типографии перевели на послушание записчика в больничный Николаевский монастырь (так назывался один из храмов Лавры, имеющий своего особого настоятеля, подчиняющегося непосредственно Духовному Собору Лавры). Здесь отец Алексий получил в год своего пострижения в монашество в день памяти святителя Митрофана Воронежского 23 ноября посвящение в сан иеродиакона. Свт. Митрофан Воронежский был как бы ангелом отца Алексия: в день открытия мощей свт. Митрофана мать отца Алексия получила предсказание о его рождении,

исцеление отца Алексия от немоты произошло в Митрофаниевской церкви, и вот посвящение в сан иеродиакона отца Алексия совершилось опять в день памяти святителя Митрофана.

Записчиком при Николаевском монастыре отец Алексий состоял до 23 декабря 1874 года, когда он был назначен туда же ризничим. В алтаре Николаевской церкви долго сохранялся подаренный им серебряный стаканчик для запивки после Святого Причастия с надписью «За упокой иерод. Алексия (Шепелева)».

6 декабря 1875 года отец Алексий был возведен митрополитом Киевским и Галицким Арсением (Москвиным, †1876 г). в сан иеромонаха. Это рукоположение состоялось неожиданно как для самого отца Алексия, так и для окружающих его. 6 (19) декабря, день святителя Николая, был престольным днем в Николаевском монастыре. В 1875 году в этот день здесь выразил желание служить сам митрополит Арсений. К этому торжественному дню, по указанию лаврского начальства, готовились к рукоположению: один монах – в сан иеродиакона и один иеродиакон – в сан иеромонаха. Но вот за несколько дней наместник Лавры архимандрит Варлаам видит сон. Ему является святитель Николай и приказывает представить к рукоположению в иеромонахи иеродиакона Алексия. Архимандрит Варлаам рассказывает свой сон митрополиту Арсению. Святитель, выслушав рассказ, распорядился намеченного к рукоположению на 6 декабря иеродиакона оставить до другого праздника, а вместо него подвести иеродиакона Алексия. Так неожиданно и чудно состоялось рукоположение в сан иеромонаха. На него возложили новое послушание, которое он потом нес при разных храмах Лавры до конца своих дней – это духовничество.

20 августа 1879 года отец Алексий Духовным Собором был переведен с должности ризничего Николаевского монастыря на такое же послушание на Ближние пещеры. Должность ризничего на пещерах для отца Алексия была одним из приятных послушаний. Открывать по утрам раки преподобных, смотреть за чистотою покрывал и гробов, в которых почивали святые мощи – это для отца Алексия не составляло никакого труда, а доставляло одно духовное утешение. Там, в пещерах, у мощей святых угодников и молитва лилась свободнее из его сердца, там он забывал все мирское и, всегда видя перед собой нетленно почивающих угодников, невольно стремился к подражанию им.

Насколько отец Алексий был хорошим ризничим, видно из слов начальника Дальних пещер того времени. Когда начальнику Дальних пещер нужен был новый ризничий, он пришел к наместнику Лавры и говорит: «Дайте мне такого ризничего, как вот ризничий Ближних пещер – отец Алексий». Для богомольцев, посещавших во множестве пещеры, отец Алексий всегда был ласков и приветлив. Никто не мог так ласково провести по пещерам и толково рассказать о печерских подвижниках, как это умел делать отец Алексий. Высокопреосвященный Платон, который тогда был митрополитом Киевским, знал об этом и поэтому часто поручал отцу Алексию сопровождать по пещерам почетных гостей.

В это время начал Господь посещать Алексия Своими дивными знамениями. Служил отец Алексий литургию в Ближних пещерах во Введенской церкви. Во время выноса Святых Даров к народу подходит причащаться Христа ради юродивый старец Паисий. Отец Алексий, когда увидал отца Паисия, то даже отступил с Дарами в алтарь от страха: лицо отца Паисия сияло неземным светом!

Другой раз Господь открыл отцу Алексию день смерти Государя Александра II. 1 марта 1881 года отец Алексий совершал Божественную литургию в сослужении иеродиакона Тихона в пещерной церкви прп. Антония. По совершении проскомидии перед покрытием дискоса и чаши покровцами взор отца Алексия остановился на частице, вынутой в честь Государя Александра II: частица показалась ему не белой, какими были все прочие частицы, а светло-коричневой, как бы облитой вином. Тогда отец Алексий подзывает иеродиакона Тихона и, не говоря ничего о замеченном изменении частицы, спрашивает его, не облил ли он нечаянно при влитии вина в чашу частиц. Иеродиакон заявил, что он вина при влитии его в чашу

не проливал. Когда же отец Алексий указал ему на частицу Государя и сказал, что она пропитана вином, иеродиакон, посмотревши на частицу, также сказал, что она в вине. Отец Алексий замолчал.

Здесь же в алтаре случился в это время бывший тогда в Лавре на покое игумен Мелхиседек (раньше московский протоиерей Михаил, кандидат Московской Духовной Академии). Отец Алексий обращает и его внимание на частицу, но она ему показалась вполне белой, как и прочие частицы, а потому он заявил отцу Алексию: «Это просто у Вас в глазах что-то неладно, а частица ничем не отличается от других». К литургии пришел иеросхимонах Исихий, духовный отец батюшки Алексия. Тогда отец Алексий подозвал к жертвеннику отца Исихия и показал ему частицу Государя, не говоря ничего о том, что сказали по поводу частицы иеродиакон Тихон и игумен Мелхиседек. Иеросхимонаху Исихию частица показалась не белой, а такой же, как и отцу Алексию – светло-коричневой. Он взял даже ее в руки, чтобы лучше рассмотреть. После осмотра частицы он заявил: «Это ее иеродиакон облил вином». В великом смущении и скорби отец Алексий начал Божественную службу. Теперь он не сомневался, что частица не была облита вином, а это великое Божие чудо, предзнаменующее какое-либо событие в жизни Государя Александра II. Этим событием оказалась смерть Александра II, который в этот именно день был убит в Петербурге.

Вместе со знамениями Божией милости к отцу Алексию здесь же, при пещерах, начинаются для него и великие скорби. В пещерах ежегодно в июле переоблачаются преподобные. Для этого их по порядку выносят наверх в особую залу. При переоблачении всегда присутствует и ризничий пещер. В один из годов служения отца Алексия в день переоблачения прп. Исаакия отец Алексий после переоблачения указанного угодника остался в зале, а остальные старцы, участвовавшие в этом, вышли. Они должны были прийти к трем часам дня в ту же залу, чтобы там совершить, по обычаю, акафист Божией Матери перед облаченными мощами угодников.

Когда отец Алексий дожидался прихода старцев, в зале вдруг стало темнеть. Темнота в комнате в то время была совершенно неожиданной и неестественной, так как на дворе было совершенно светло и солнце своими светлыми лучами смотрело прямо в окна залы. Отцу Алексию стало страшно, но бежать он не мог. Позабыл он перекреститься и прочитать Иисусову молитву. И вот появляется перед отцом Алексием сам диавол… Позади его ад… Очертания его тела были неопределенны, но голова его все время менялась: то она напоминала собою голову человека, то обезьяны, то собаки, то какого-то иного животного, а изо рта так и пышет. Отец Алексий стоял еле живой, он не мог двинуть ни одним своим членом. Диавол, обращаясь к нему, говорит: «Ты меня своим смирением побеждаешь… Но я тебе покажу, я тебе наделаю делов…» Видение на этом окончилось. И действительно, впоследствии, скоро после описанного видения, отцу Алексию пришлось перенести большое испытание.

На пещерах отец Алексий был ризничим более шести лет. Здесь он получил в награду за труды по послушанию наперсный крест от Святого Синода. 7 октября 1885 года отец Алексий был перемещен с должности ризничего Ближних пещер на то же послушание к Великой церкви. Переход на послушание из пещер в Великую церковь Лавры, в «Дом Богородицы», для отца Алексия был весьма приятен. Если в пещерах к нему были близки преподобные Печерские, то в Великой церкви особенно близка была для всех Пречистая Богородица. К тому же и богослужение Великой церкви по его красоте и величию никак не могло быть сравнимо с богослужением других храмов Лавры. Но недолго пришлось отцу Алексию наслаждаться богослужением Великой церкви. Здесь-то и начал мстить батюшке враг рода человеческого – диавол – за его смирение.

В это время весьма часто посещали Лавру две сестры – девицы по фамилии Степановы. Они, как видно, были бедны, а по внешнему виду – благочестивы. Они и сами усердно молились, и у монашествующих просили молитв. Отец Алексий, веруя в то, что милостыня очищает

(Сир., 3:30), часто помогал этим бедным сестрам деньгами и вещами. И вот эти, на вид кажущиеся благочестивыми, но в действительности злые и неблагодарные женщины решили оскорбить своего благодетеля. Предполагая, что отец Алексий обладает большими денежными средствами, они однажды явились к нему и потребовали от него пять тысяч рублей денег, которые иеромонах якобы взял у них на хранение. Отец Алексий никогда у этих женщин никаких денег не брал и сам не обладал такими большими средствами, а потому он решительно отказал им в этих деньгах. Сестры подали тогда на него жалобу сначала наместнику Лавры архимандриту Иувеналию, а потом и самому митрополиту Платону. Как наместник, так и митрополит после разговора с отцом Алексием убедились в его невиновности и отпустили с миром, но не так-то легко было отделаться от злых женщин.

Не достигнувши своей цели через наместника и владыку митрополита, они стали писать частые письма непосредственному начальнику отца Алексия, экклесиарху Лавры архимандриту Валентину, выливая на отца Алексия в своих письмах всякую грязь. Архимандрит Валентин не любил отца Алексия и поэтому письма злых женщин нашли для себя благоприятную почву. Под влиянием этих писем архимандрит Валентин потребовал в Духовном Соборе Лавры, чтобы отец Алексий был лишен должности ризничего Великой церкви. Старцы соборные не стали спорить с экклесиархом, и 21 сентября 1887 года отец Алексий был уволен от должности ризничего Великой церкви, но сестры Степановы не оставили отца Алексия и после этого. Они теперь стали лично преследовать отца Алексия. Идет ли он по лаврскому двору – они догоняют его и начинают называть вором, обидчиком бедных беззащитных женщин. Появляется ли отец Алексий в храме для исповеди богомольцев, сестры и здесь производят шум, крича на весь храм: не подходите, православные, исповедоваться к этому монаху, он такой-то и такой, при этом они называли его разными нехорошими именами. Совершает ли он богослужение в храме – они и здесь дерзают нарушать молитвенную тишину своим криком в адрес отца Алексия…

Батюшка с терпением переносил попущенное для него Богом искушение. Но лаврское начальство, видя, какой соблазн производили дерзкие женщины вокруг отца Алексия, решило избавить его от этого испытания, и поэтому 30 апреля 1891 года Духовным Собором отец Алексий был переведен из Лавры на очередное богослужение в лаврскую Спасо-Преображенскую пустынь. Как ни тяжело было отцу Алексию переносить оскорбления от сестер Степановых, но, когда он узнал, что из Лавры его переводят в Спасо-Преображенскую пустынь, для него это оказалось еще тяжелее. Проведя в Лавре 38 лет, отец Алексий к ней привык – Лавра сделалась для него вторым отеческим домом. Дорога для него была Великая, «небеси подобная» церковь, не хотелось ему расставаться с громогласным лаврским пением и гармоничным колокольным звоном на большой лаврской колокольне, жаль ему было покидать пещеры со святыми мощами преподобных… Но всего обиднее для отца Алексия было то, что его отправляли в ссылку безо всякой со стороны его вины…

Грустный, унылый шел отец Алексий по лаврскому двору после того, как получил весть о своем переводе. Вдруг навстречу ему идет блаженный старец Паисий и ласково говорит: «Чего грустишь, душечко? Вспомни Христа Спасителя… Как Его безжалостно били, как заушали, плевали в Него. И не Он ли претерпел позорную крестную смерть? А все ради кого? Ради нас, душечко…» Отцу Алексию стало легче после такого наставления. «Значит, такова воля Божия», – подумал он и уже спокойный стал собираться к переезду в Преображенскую пустынь.

В Преображенской пустыни отец Алексий прожил четыре с половиной года. Здесь ему жилось спокойно. Сестры Степановы сюда не являлись. Вспоминая в конце жизни о проведенном в Преображенской пустыни времени, отец Алексий говорил: «Это было самое лучшее время в моей жизни. Я там всегда помнил о смерти». Батюшке напоминало о смерти находящееся в Преображенской пустыни братское кладбище и часто погребаемые там умершие.

15 ноября 1895 года постановлением Духовного Собора отец Алексий из Преображенской пустыни переведен в другой скит Лавры – Голосеевскую пустынь – на должность ризничего. Здесь, будучи вместе с тем духовником-старцем лаврской братии и приходящих богомольцев, он и окончил свои дни.

В Голосеевской пустыни отец Алексий прожил 21 год. Первое время он проводил обычно, как и все прочие иеромонахи: совершал богослужения, смотрел за порядком в церкви и исповедовал приходящий народ. Одним разве он отличался от других – это воодушевленным чтением поучений после запричастного стиха. Но с течением времени мудрыми советами, вовремя сделанными предупреждениями он стал обращать на себя внимание православных людей: сначала прилегающих к пустыни селений, затем Киева и, наконец, всей необъятной России. Об отце Алексии знали в Петрограде, в Москве, на Кавказе, в Сибири и на Дону. Он был известен и в городах, и в селах, и в монастырях. Такую широкую известность отца Алексия не трудно объяснить: посещавшие во множестве Киево-Печерскую Лавру богомольцы знакомились здесь с отцом Алексием и, обласканные, успокоенные им, разносили весть о нем по всем уголкам нашего обширного отечества.

В последние годы жизни отца Алексия у дверей его кельи можно было встретить и священников, и монахов, и мирян. К нему приходили и богатые и бедные, и знатные и незнатные, и ученые и необразованные, и заботящиеся о своем спасении и забывшие о том, как нужно угождать Богу. Но больше всего у кельи преподобного толпилась беднота, которую питал он не одним словом Божиим, но и хлебом насущным. Отец Алексий всех одинаково принимал, всех старался обласкать, каждому чем-либо помочь. И действительно, он помогал страждущим людям. В келью его люди входили расстроенные, с мрачными лицами, взволнованные, а выходили спокойными, умиротворенными, со слезами радости на глазах.

У старца Алексия искали умиротворения своей совести не одни паломники и монахи, но и архипастыри, и даже Киевские митрополиты. Так Черниговский архиепископ Антоний вызывал отца Алексия к себе в Чернигов в апреле 1911 года для предсмертной духовной беседы и на его руках предал дух свой Богу. Голосеевская пустынь была ни чем иным, как дачей Киевских митрополитов, где они летом отдыхали от своих архипастырских трудов. В течение пребывания отца Алексия в Голосеевской пустыни на Киевской митрополичьей кафедре сменилось четыре архипастыря: высокопреосвященные Иоанникий Руднев (1891—1900), Феогност Лебедев (1900—1903), Флавиан Городецкий (1903—1915) и Владимир Богоявленский (1915—1918). Два из них, особенно продолжительно пребывавшие на Киевской кафедре, митрополиты Иоанникий и Флавиан, имели отца Алексия своим духовником. А митрополит Владимир несколько раз просил молитв у отца Алексия.

В 1896 году вся Россия трепетно и радостно ожидала открытия мощей великого угодника Божия, более двухсот лет нетленно почивавшего в Чернигове, – святителя Феодосия. 9 сентября состоялось открытие мощей Черниговского чудотворца. На предварительное переоблачение мощей святителя Феодосия по приглашению Черниговского владыки Антония ездил отец Алексий, как лицо опытное в обращении со святыми мощами.

С великим благоговением совершив их переоблачение, старец погрузился в молитву. И тут ему, как бы в тонком сне, предстало дивное видение. В великой славе предстал ему сам угодник Божий и сказал: «Спасибо тебе за то, что потрудился для меня. Поминай на проскомидии моих родителей иерея Никиту и Марию». – «Святитель Божий, – отвечал старец, – ты же сам прославлен». Тогда святитель объяснил причину своей просьбы: «Поминай их на проскомидии, она выше моей молитвы…» Видение закончилось. Не чувствуя себя достойным подобного откровения и не доверяя себе, старец, несмотря на поздний час, поспешил к владыке и, павши ему в ноги, поведал о бывшем с ним.

Внимательно выслушал архипастырь взволнованного старца и успокоил его, говоря: «Верю, что Господь устами святителя Феодосия поистине открыл тебе великую тайну безмер-

ной Своей милости, даруемой Им людям через нас, недостойных пастырей, при совершении Божественной литургии и принесении Бескровной Жертвы. До времени умолчи о бывшем тебе видении, молись, как заповедал тебе угодник Божий, а там сам Господь имиже весть судьбами поможет тебе утвердиться в виденном». Нужно же сказать, что ни память народная, ни история не сохранили имен родителей святителя Феодосия. Однако прошло несколько лет, и в одном из самых древних киевских монастырей – Выдубицком – был найден синодик рода Углицких и в нем собственноручная запись святителя Феодосия, бывшего в том монастыре игуменом, имен его родителей: иерея Никиты и Марии.

Келья старца в Голосеевской пустыни была скромна. Она состояла из трех маленьких комнаток. Обстановка этих комнаток бедна. Несколько икон, из которых он почитал особенно одну – это икона Божией Матери, которой благословила его мать, диванчик, на котором принимал почетных гостей, перед диванчиком ничем не покрытый столик, на котором постоянно лежало Евангелие на церковнославянском языке больших размеров, этажерка для книг, стол для трапезы, кровать с постоянно поднятым матрацем, на которой отец Алексий, кажется, никогда не спал, медный умывальник с металлическим тазиком и несколько простых тумбочек – вот все, что составляло обстановку кельи отца Алексия.

Келейника у него не было. Старец сам себе во всем служил: сам носил дрова, сам топил печь и ставил самовар, сам подметал комнаты, только к концу жизни, когда отца Алексия начали оставлять силы и он стал болеть, ему прислуживал сначала живший в пустыни монах Азария, а потом наемный мальчик из соседнего села. Пища отца Алексия была скудна: он питался только тем, что ему приносили из трапезы, а в конце жизни и того не ел.

Приведем повествование воина первой мировой войны, посетившего старца в 1916 году, за год до его блаженной кончины. Из него явствует духовная высота старца, а вместе с этим его прозрения о судьбах России. Его описания рисуют нам домашнюю обстановку старца, в которой хранился избранник Божий. «Мы шли по длинному коридору, по сторонам которого были равноудаленные двери. Пред одной из них мы остановились. «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!» – проговорил послушник. «Аминь!» – раздался приглушенный ответ.

Послушник отворил дверь, и я вошел в сени кельи, а затем и в самую келью. Не скрою: я волновался, сердце усиленно билось, и я с трудом справился с дыханием. Келья – маленькая комната, просто обставленная. Через деревянный пол шла полотняная дорожка до киота. На окнах глухие занавески. Пахнет кипарисом, воском, чабрецом, лампадным маслом. Сладостная тишина вошла мне в душу… «Идите, идите, раб Божий! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», – благословил меня старец. Я очнулся и с усердием поцеловал руку старца. Сняв руку с моей головы, старец подошел к окну и благословил мою семью, что меня очень обрадовало. Затем он пригласил меня в соседнюю комнату. То была комнатушка с изношенным деревянным полом и обветшалыми стенами. Слепая занавеска на единственном окне. В углу небольшой иконостас со старинными иконами, пред ними – лампада. Аналой, на нем Евангелие, крест, епитрахиль. Вплотную к стене топчан, покрытый старым одеялом, из-под которого виднелась солома – ложе старца. Я был пуст: ни одной мысли, ни одного вопроса. Я сидел и умиленно смотрел на старца, перекладывая фуражку из руки в руку.

«Что же, на войну идете, раб Божий? Идите, идите, Господь благословит вас. Четыре месяца быстро пробегут. Будете ранены, а потом возвратитесь домой. А как ваше имя?» Старец подошел к иконостасу и начал молиться. Я наконец пришел в себя и начал беседу: «Скажите, отец Алексий, ведь Россия победит своих врагов – не так ли? Недавно я получил письмо от генерала Духонина. Он пишет, что хотя Германия и ее союзники надломлены, но война будет долго длиться и будет тяжелой, пока мы принудим немцев положить оружие…»

Отец Алексий слегка качнул головой. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. Взор старца ушел куда-то вдаль: «Что будет, что будет с Россией! Боже мой, Боже мой! Что

война, война? Кровью зальется русская земля. Храмы поколеблются, кресты снесут с них, а мощи святых угодников в Днепр побросают! В зверей люди обратятся! Много изменников окружают Царя. Много прольется христианской крови». Старец встал, надел епитрахиль, подошел к иконостасу и стал молиться. Я слышал слова этой чудной молитвы. Повернувшись ко мне и положив руку на голову, старец с незабываемой любовью произнес: «Да благословит Господь раба Божия Николая на бранное дело. Спаси вас Господь!»

Я снова с большим усердием поцеловал руку старца, искренне просил у него прощения и разрешения по возвращении с войны снова навестить его. «Когда вернетесь, Господь позовет меня на Суд Свой», – проговорил старец и низко поклонился мне. Я ответил глубоким поклоном и вышел из кельи. Ровно через четыре месяца я, будучи на фронте, участвовал в боях. В одном из них, в атаке, был ранен. Отправленный в Киевский госпиталь, я быстро поправился. И вспомнил о старце. Знакомый епископ сообщил мне, что старец уже почил о Бозе».

Служение отца Алексия производило умиляющее впечатление. Особенно он воодушевленно читал акафист Божией Матери. Для совершения проскомидии для него было мало двух часов: так много он поминал. Во время поминовения на проскомидии он клал много земных поклонов. Светильничные молитвы отец Алексий прочитывал несколько раз. Во время произнесения иеродиаконом на просительной ектенье последнего прошения – «Христианския кончины живота нашего…» – старец падал ниц пред святым Престолом.

Несколько раз в году ездил батюшка и в Лавру для поклонения чудотворной иконе Божией Матери и святым мощам печерских угодников. Бывая в городе, отец Алексий каждый раз заезжал на Бессарабку и здесь, хоть на минутку, заходил в крытый рынок, где стоит большая икона святителя Николая, ставил перед иконою свечу, клал земной поклон и молился святителю о том, чтобы он сохранил Киев от голода, как он спасал от этого бедствия Миры Ликийские. Отец Алексий, живя в пустыни для Господа, избегал славы и возвышений. Когда ему предложили занять должность блюстителя Дальних Пещер, он отказался.

Будучи в последний год своей жизни больным, он не перестал принимать посетителей, при этом так говаривал: «Я мог бы уйти от этой суеты в богадельню и там совершенно успокоиться, но не могу я бросить этих страждущих людей, приходящих ко мне за помощью». Что особенно привлекало народ к старцу Алексию – это его ласковое, любовное обращение. Всех он встречал с радостной улыбкой, всем был рад. Встречая пришедшего к нему посетителя, он обыкновенно говаривал: «Пожалуйте, мое сокровище». Пришедшего он ласково расспросит о его жизни, будет от всей души сочувствовать его скорбям, несчастиям, возблагодарит Господа за радости пришедшего к нему незнакомого человека, осведомится о том, как его гость добрался до него, не обидел ли его кто в дороге, не взял ли лишнего извозчик, есть ли деньги на обратный путь. И если у гостя не оказывалось денег, отец Алексий сейчас же, не медля ни минуты, вручит ему достаточную сумму на обратный путь. Но часто он и не спрашивал своих посетителей о том, есть ли у них деньги или нет, а просто при прощании вручал уходящему посетителю три или пять рублей денег и говаривал: «На трамвай».

Духовные дети отца Алексия встречали в келье своего старца не одни ласковые речи, но и угощение. Старец любил угощать своих посетителей. Всех, кто только приходил к нему, он сажал за стол и поил чаем с булками, маслом и вареньем. Булки у батюшки были особенно вкусные, чай – особенно сладкий, так как он по своей щедрости клал в него весьма много этой сладости. Умилительно было видеть, как старец, рассадивши своих гостей по всем комнатам, сам суетился, угощал своих дорогих посетителей, приговаривая: «Кушайте, кушайте, пожалуйста, не стесняйтесь». Бывая в городе, батюшка приобретал там в большом количестве чай, сахар, булки.

Бывали у отца Алексия нуждающиеся лица из интеллигентных кругов, которые не только не могли просить себе помощи, но и стыдились взять предлагаемое. Батюшка, будучи не только чутким к чужой нужде, но вместе с тем и деликатным человеком, умел и таким лицам оказы-

вать помощь. Со слезами на глазах эти люди благодарили дорогого батюшку. Не ограничиваясь милостынею, раздаваемою в келье, отец Алексий посылал нуждающимся деньги по почте, развозил к праздникам подарки по больницам, богадельням и тюрьмам. А сколько монашествующих и послушников ходили в одеждах, купленных на средства отца Алексия!

Пришел однажды к отцу Алексию один молодой человек и стал просить у него благословения на женитьбу. Отец Алексий не благословил его и отговаривал от этого шага. Юноша настаивал на своем. Тогда старец взял икону и благословил его, но сам внутренне молился о том, чтобы Господь не допустил этого брака. И что же? Благодаря каким-то обстоятельствам, свадьба была отложена на некоторое время, а потом случилось то, чего боялся старец: невеста неожиданно умерла.

Зашла однажды к отцу Алексию приехавшая из Харькова на богомолье в Киев одна интеллигентная дама с сыном гимназистом 4-го класса. После продолжительной беседы с матерью батюшка неожиданно обратился к сыну и говорит: «Слушайся, Митя, маму. Меня не школа учила, не гимназия, а родная мать. Если будешь слушаться маму, будешь как Иоасаф Белгородский». Дама была восхищена ласковою беседою отца Алексия, но особенно была поражена тем, что батюшка назвал неизвестное для него имя ее сына и предсказал ему великую будущность. Уходя, она дает отцу Алексию десять рублей и просит у него молитв. Отец Алексий принимает деньги, поспешно идет во внутреннюю комнату, берет там еще пять рублей и, имея в руке пятнадцать рублей, говорит: «Простите, не сердитесь на меня, возьмите все это: вам нечем будет за квартиру заплатить». Дама упала к ногам старца и со слезами благодарила его за любовь. Она действительно отдала отцу Алексию последние десять рублей и не имела, чем заплатить за квартиру.

Одна благочестивая женщина из города Енисейска Кубанской области в благодарность за молитвы и наставления отца Алексия послала ему по почте триста рублей денег. На другой день после отправки денег она сообщила об этом своей соседке. Та же, вместо похвалы благочестивой женщине, укорила ее: «Зачем было посылать такие большие деньги в монастырь, – сказала она, – монахи роскошно кушают и пропьют их». Женщина, пославшая деньги, пришла в смущение. Через некоторое время после этого разговора она получила повестку на триста рублей. Оказалось, что отец Алексий вернул деньги обратно с такой надписью на отрезном купоне: «Примите ради Господа эти деньги: монахи роскошно кушают и пропьют их».

Послушник Николай, проживавший в лаврских хуторах, решив поехать на Старый Афон, сложил необходимые вещи в сумку и отправился в Лавру за отпуском. Проходя мимо Голосеевской пустыни, он зашел к отцу Алексию взять благословение. Желая же скрыть от старца свое намерение, он спрятал сумку в кустах. Выходит из кельи отец Алексий и строго говорит Николаю: «Кого ты обманываешь? Куда сумку спрятал? Нет тебе благословения!» Когда же Николай стал просить у старца прощения, отец Алексий простил его и кротко сказал: «Скоро с Афона сюда будут приезжать». Эти слова отец Алексий говорил летом 1911 года, что и сбылось из-за смуты там «имябожников».

«Не могу умолчать о дивном проявлении прозорливости незабвенного старца Алексия по отношению ко мне, – пишет игуменья Евфалия. – В бытность свою в Киеве в 1907 году я, наслышавшись о высокой жизни иеромонаха Алексия, отправилась со своими спутниками в Голосеевскую пустынь, чтобы у этого источника живой воды утолить свою духовную жажду. Выйдя к нам, старец, ни разу не видавший меня, прямо обратился ко мне: «Игуменья Евфалия пришла». Я, удивленная его словами, возразила: «Нет, батюшка, я – не игуменья, я – рядовая монахиня». Но он снова повторил: «Игуменья Евфалия». После того он долго беседовал со мной, причем изложил предо мною всю мою прошедшую жизнь.

Через пять лет, когда я была казначеей монастыря, я снова приехала к нему. И на этот раз батюшка назвал меня игуменьей, несмотря на мое возражение, что я только казначея.

В 1914 году предсказание батюшки исполнилось: я была назначена настоятельницей монастыря. Видя чудесным образом исполнившееся предсказание батюшки, я тотчас поспешила к нему, чтобы испросить у него святых молитв и благословение на предстоящий мне тяжелый путь. Благословляя меня, батюшка сказал: «Много, ох, много предстоит тебе испытать огорчений и скорбей, но да поможет тебе Царица Небесная». И на этот раз слова старца исполнились: много колючих терний встретила я на своем пути, и только помощь Царицы Небесной, по молитвам старца, укрепляет меня.

В беседе с батюшкой упомянула также о своей тетке, монахине. Тогда отец Алексий быстро сказал: «Скажи ей, чтобы готовилась к смерти». Я ответила: «Батюшка, она такая здоровая!» Но старец, не видавший и не знавший этой монахини, возразил: «Ты рассуждаешь так, а в Небесной канцелярии написано иначе. Пусть готовится». Это было сказано в сентябре 1907 года, а 31 декабря того же года упоминаемая монахиня умерла. Удивляясь дивной благодати, обитавшей в душе старца, – заключает свое письмо в Лавру игуменья Евфалия, – я благоговейно чту его память».

Старца Алексия довольно часто посещал студент Киевской Духовной Академии Александр Готовцев. Однажды перед Великим постом 1915 года он привел с собой к отцу Алексию своего друга Михаила Верченко, хорошо настроенного юношу, который намеревался принять монашество. Посмотревши на нового своего гостя, отец Алексий после, когда к нему пришел студент Готовцев один, сказал ему: «Михаил твой долго не проживет: он скоро умрет». Для Готовцева эти слова оказались неожиданными, и он не совсем поверил. Верченко был вполне здоровым, жизнерадостным, трудолюбивым молодым человеком. Но слова отца Алексия сбылись. Весною же 1915 года Михаил Верченко стал прибаливать. Летом у него открылась чахотка. Осенью из деревни он приехал в Киев лишь для того, чтобы отправиться в Крым для лечения. Вскоре Верченко отбыл в Ялту, где и скончался. Получивши эту горестную весть, студент Готовцев в тот же день отправился в Голосеевскую пустынь попросить прп. Алексия помолиться об упокоении новопреставленного раба Божия Михаила. Придя к старцу, Готовцев выжидал удобного момента, чтобы изложить свою просьбу. Вдруг отец Алексий обращается к нему и говорит: «Я должен сообщить тебе новость». – «Какую?» – «Твой Михаил умер». Студент был поражен.

Откуда же мог узнать отец Алексий о смерти Верченко? Сам старец вывел из затруднения пораженного студента. «В день Сретения Господня, 2 февраля, часа в четыре ночи окончил я свое вечернее правило, – начал говорить батюшка, – и присел на диван отдохнуть. Вдруг вижу, входит в мою комнату Михаил в студенческой форме и, обращаясь ко мне, говорит: „Батюшка, помолитесь обо мне Господу: я умираю, и моя душа уже начинает проходить мытарства. Почему Вы меня не постригли в монашество?“ После этого он скрылся. Я очень жалею, что я его тайно не постриг в монашество. Это можно было сделать, так как я знал, что он скоро умрет: от него дышало смертью».

Бывали отцу Алексию явления из загробного мира и раньше этого случая. Когда он был еще ризничим Великой церкви Лавры, в лаврской типографии работал хороший наборщик – молодой человек по имени Иоанн. Отец Алексий, как духовник Иоанна, советовал ему в Петров пост поговеть, поисповедаться и ко дню ангела приобщиться. Иоанн не послушался, а дал обещание отцу Алексию поговеть в Успенский пост. Но не пришлось ему исполнить своего обещания. Вскорости после дня своего ангела он пошел на Днепр купаться и там утонул. Отец Алексий помолился за него после смерти, а потом и забыл о нем.

Через некоторое время, в воскресенье после утрени, батюшка, зашедши к себе в келью, сел отдохнуть. Вдруг слышится стук, открывается дверь, и в комнату, где сидел старец, входит Иоанн. Отец Алексий вскочил со стула, на котором сидел. «Разреши меня, – обратился Иоанн к батюшке, – а то я связан: соблудил и, не покаявшись, утонул». Отец Алексий сейчас же накинул епитрахиль и прочитал над Иоанном разрешительную молитву. Видение исчезло. Через

некоторое время, по молитвам отца Алексия, который хотел узнать, имело ли значение разрешение, снова явился Иоанн и сказал, что теперь ему легче.

Отец Алексий предвидел будущее, видел настоящее душевное настроение людей, постигал их прошедшую жизнь. Но свою прозорливость батюшка не проявлял бесцельно, при всяком удобном и неудобном случае. Прозорливость свою отец Алексий обнаруживал большей частью тогда, когда хотел поддержать слабого человека или вразумить заблудшего, или обличить грешника, или предупредить об опасности. Вот несколько случаев духовных уроков старца.

Семейство К-ых, состоящее из отца, матери и нескольких детей, прогуливаясь по Голосеевскому лесу, зашло в пустынь. Набожная мать предложила мужу и детям зайти к отцу Алексию за благословением и наставлением. Батюшка, выйдя из кельи, сказал им: «Идите чай пить». Все отправились в монастырскую гостиницу. Уселись за стол. Вдруг приходит отец Алексий, ставит пред матерью семейства банку варенья и говорит: «Ешь сама, но мужу не давай, ешь сама». Все были поражены этим поступком отца Алексия. Но в чем крылась его причина? Оказывается, эта женщина была несчастна в семейной жизни. Муж наносил ей много оскорблений, и особенно он обижал ее тем, что приобретал для себя отдельно хорошую пищу и ел ее на глазах жены и своих детей, но никому ничего не давал. Поступок старца вразумил бессердечного мужа, он почувствовал свою вину и изменил свое отношение к жене и детям.

Летом 1912 года навестили отца Алексия несколько молодых людей. Вдруг к одному из них подходит старец, надевает на его голову свою монашескую шапочку и говорит: «Самуил, моя шапочка водки не пьет, и ты больше не будешь пить». Друзья молодого человека были удивлены прозорливостью отца Алексия, который узнал тайный грех неизвестного ему юноши и назвал его по имени.

Подобных случаев прозорливости прп. Алексия было бесчисленное количество, так что их нет возможности и перечислить. Скажем только, что основанием прозорливости преподобного старца был ни обычный духовный опыт, ни знание людей, но – благодать Святаго Духа.

4 ноября 1915 года скончался высокопреосвященный Флавиан, митрополит Киевский, духовный сын отца Алексия. Старец за два дня до смерти владыки-митрополита был вызван из Голосеевской пустыни в Лавру для предсмертной духовной беседы. Здесь старец поисповедывал последний раз своего высокопреосвященного духовного сына и прочитал над ним отходную молитву. По словам отца Алексия, во время его беседы с митрополитом Флавианом последний сказал батюшке: «Не надолго расстаемся: скоро опять увидимся». Отец Алексий понял эти слова владыки как предсказание о своей скорой кончине. И действительно после смерти митрополита Флавиана батюшка недолго жил – он не прожил даже полутора лет. Сердце его стало плохо работать, от этого распухли ноги и ему трудно было стоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.